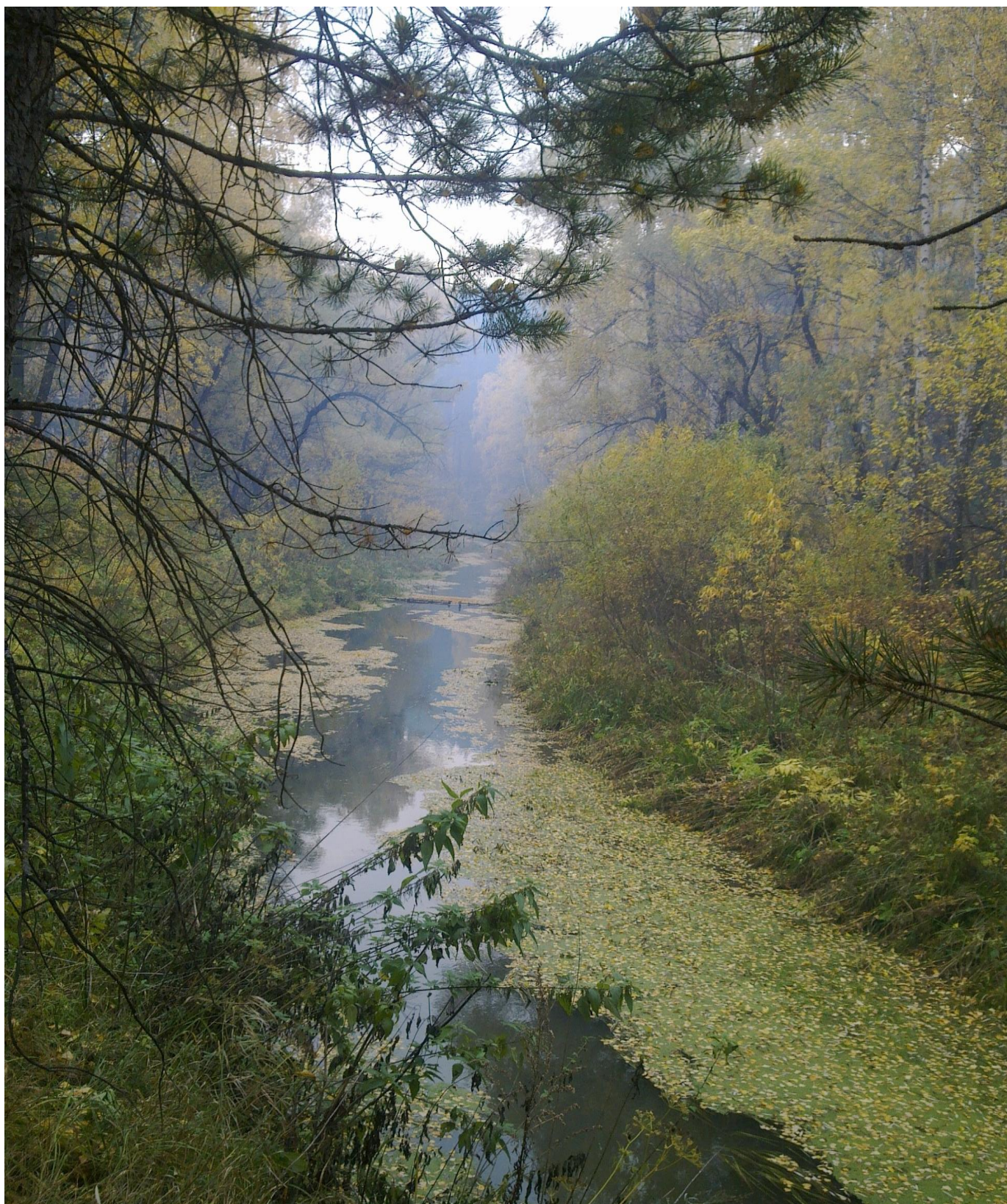

В России 2013 год объявлен *«Годом охраны окружающей среды»*.
(Указ президента В. Путина №1157 от 10 августа 2012 года.)

1

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН, ВАЛЕРИЙ КОВАЛЬЧУК

МОЁ ПРИИРТЫШЬЕ

ПРИРОДА- ЭКОЛОГИЯ- ЖИЗНЬ

Коллектив студентов и преподавателей Омского колледжа транспортного строительства всегда активно принимает участие по защите Природы Прииртышья и охране окружающей среды во всех мероприятиях Омской области, города Омска. Популярными стали экологические форумы среди средних специальных учебных заведений и дважды на базе колледжа проводились областные студенческие конференции: «Природа- Экология- Человек».

В колледже готовятся экологи по специальности «Техник- эколог», подготовлены и выпущены две группы для работы на цветочно- оранжерейном комбинате города, есть учебные группы по подготовке специалистов для коммунально- хозяйственных служб. Так что выпускники колледжа строят не только дороги, мосты, жилые дома, метро- они постоянно участвуют в зелёном строительстве города Омска.

Среди преподавательского состава колледжа работает с 1960 года (53 год !) член Союза журналистов России Владимир Васильевич Зензин, который в течении 25 лет много и успешно выступает в средствах массовой информации по теме « Природа- Экология- Спорт- Здоровье». С 1989 года, после создания Областного комитета охраны Природы, принимал самое активное участие во многих его делах, а с 1992 года в газете «Омский вестник» вёл экологическое приложение «Природа Прииртышья», с 1993 года при комитете редактировал журнал с аналогичным названием. Им написано и издано более 40 книг, большинство из которых экологического содержания.

Владимир Зензин в течение многих лет постоянно проводит турпоходы, выезды (по грибы и ягоды, на охоту и рыбалку) со студентами и преподавателями колледжа. Но не дара Природы являются главным в итоге, а написанные стихи и рассказы, сотни фотографий для альбомов и фоторепортажей.

Я, как директор колледжа, активно принимаю участие в этих выездах на лоно Природы, со школьных лет люблю фотографирование и делаю десятки фото. Недавно В. Зензин при встрече со мной, сказал: *« В своих книгах я помещаю многие ваши фото даже без указания фамилии автора. Это не правильно. На этот раз, исправляюсь, в этой книжице делаю из ваших фотографий фоторепортаж «Природа Прииртышья». И вы становитесь соавтором книги...»*

Я вначале возразил, но затем передал ему более 200 фотографий. Интересно: что получится?..

**В.В. Ковальчук, директор колледжа,
заслуженный работник транспортного строительства**

Омскому колледжу транспортного строительства- 113 лет (1900-2013гг.)

Вступление

Край любимый

Прииртышье, край былинный!
 Ширь озёр, разливы рек,
 и простор безбрежно-синий
 с детства в сердце- всё навек!
 Лесостепь... Тайга... Урманы...
 Край суровый, дорогой!
 Здесь селились в дали ранней
 предки, сильные душой!
 Прииртышье, край рассветный!
 Несказанно, древний край
 красоты, богатств несметных-
 мой земной, чудесный рай!

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

На юг подайся –
 степь ковыльная,
 на север чуточку –
 тайга...
 Здесь лесостепь,
 земля обильная.
 Здесь свет берез,
 звон ручейка.
 Люблю Иртыш в большом
 разливе
 и светлый город –
 в нем живу.
 Но с детства
 нет минут счастливей,
 когда в полях родных брожу.
 Не знаю,
 что мне в них дороже:
 озер ли синь,
 рек глубина
 или просвет лесных дорожек,
 где в травах ягода красна!

А может, в этот зимний вечер
 милей снежинок хоровод,
 и тех стогов далеких свечи,
 и санный путь,
 что к ним ведет?!
 А может, избы те
 за лесом,
 дымки,
 что в небо вознеслись.
 - Близки мне люди!!..
 С интересом
 я вглядываюсь вдаль
 и в высь.
 На конопле сидят чечетки
 и алый рядышком
 снегирь...
 Любуюсь всем!
 И смысл отчетлив:
 все это-
 Родина! Сибирь!..

ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ

Омская область по размеру территории превышает некоторые европейские страны. Она расположена в южной части Западно-Сибирской равнины. Её протяженность с севера на юг почти 600 км, с запада на восток - 300 км. Для преодоления расстояния от южных её окраин до северных потребуются автомобилисту - не менее суток, пешеходу - около месяца. Площадь области составляет 139,7 тыс. кв. км или, около 14 млн. га. Соседние территории - Тюменская, Томская, Новосибирская области и Республика Казахстан. Общая протяженность внешних границ Омской области - более 2800 км. Размеры и географическое положение её определяет разнообразие природных условий, включающих в себя тайгу, лесостепь и степную зону. Когда на юге области начинают журчать ручьи, появляются первые цветы, насекомые, птицы и пробудившиеся от спячки грызуны, на севере все еще лежит зима. На территории области насчитывается более 16 тысяч больших и малых, пресных и соленых озер, за это область называют краем озер. Многочисленна речная сеть, насчитывающая более 4000 рек и других водотоков протяженностью 15,5 тыс. км. Река Омь, давшая название нашему городу и, конечно, легендарный Иртыш - основная крупная водная артерия, протянувшаяся от гор Китая до Ледовитого океана на 4248 км. Разнообразие природных зон обуславливает разнообразие растительного и животного мира Омской области - от таежного обитателя тайги медведя до степного тушканчика, от сибирского осетра до коренного жителя озер-карася. Обитает 73 вида млекопитающих, 274 вида птиц, 31 вид рыб, 4 вида пресмыкающихся, более 30 тыс. видов насекомых.

По преданиям древних индусов в Омской области находится «пуп Земли», это начало из начал нашей вселенной. Поэтому так свято место около с.Окунево Муромцевского района. Это место пересечения разных религий, обладающее геофизическими особенностями и особой аурой. Муромцевский район достопримечателен и пятью озерами, по одной гипотезе - метеоритного происхождения, по другой - ледникового. Самое большое из них - Данилово, его глубина достигает 20 м, а вода содержит большое количество серебра - по преданию, это живое озеро. Есть еще - мертвое озеро Потаенное. Так вот, чтобы быть здоровым и оставаться на долгие годы молодым, нужно искупаться во всех пяти озерах. Омичи свято чтут древние традиции и ежегодно выезжают в эти реликтовые места. Кстати, Муромцевский район называют ещё «местной Швейцарией».

На территории Омской области в системе озер Ик-Салтаим-Тенис Крутинского района находится самая северная колония кудрявого пеликана и большого баклана. Действительно, чарующее зрелище, в Сибири увидеть таких экзотических птиц. Колония насчитывает до 250 особей пеликанов и до 350 бакланов. С помощью ученых - орнитологов проведены мероприятия по их кольцеванию с целью накопления данных о зимовке «сибиряков».

Есть в области уникальные места гнездований перелетных птиц, одним из них является территория государственного природного заказника «Степной» Оконешниковского района. Этот природный резерват поражает масштабами скоплений серого гуся, серого журавля, серой цапли, водоплавающей дичи. Здесь гнездятся свыше 125 видов птиц, находятся самые «древние» линники птиц Западной Сибири. Гнездятся и находятся на пролете виды, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, такие как краснозобая казарка, гусь пискулька, орлан-белохвост, стрепет, журавль-красавка, несколько видов куликов. Площадь заказника составляет 75 тыс. га.

Вторым особо охраняемым местом значится Баировский республиканский государственный заказник по охране промыслово-охотничьих зверей и птиц,

расположенный на землях Колосовского, Саргатского и Тюкалинского районов, с площадью 57 тыс. га. Особо охраняемой природной территорией является всеми нами любимая «Птичья гавань», и государственные природные заказники: «Пойма

Любинская» (р-н Любинский); «Алапы» (р-н Муромцевский); «Заозёрный» (р-ны Большеуковски, Крутинский); «Килейный» (р-н Большеуковский). Большое значение имеют памятники природы: Омский городской дендрологический сад г. Омска и дендропарк им. П.С. Комисарова (Омский р-н).

Есть ещё особо охраняемые территории местного значения. К ним относятся: Государственный природный заказник «Лузинская дача», Бобринский школьный лесной заказник, Победовский школьный лесной заказник, Новороссийский лесной заказник. А также памятники природы: «Зелёная роща» (Большеуковский р-н), «Танина роща» (Москаленский р-н), «Ива Белая» (Омск), «яблоня Сибирская» (Омск), «Междуреченский водный памятник природы» и другие из Тарского р-на.

К лечебно- оздоровительным местностям принадлежат «Чернолучинско-Красноярская оздоровительная зона», природный комплекс «Верхнеильинский»-Черлакского р-на, «Восточная роща»-г.Омска.

С целью экологического воспитания и образования в Омской области созданы многие общественные организации, участвующие в экологическом движении по охране природы и окружающей среды. К ним относятся: Омское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», детско-юношеская общественная организация «Экологический центр», Омская региональная общественная организация «Общество охраны природы Сибири», Омская организация «Земля наш общий дом». Всеми ими проводится большая работа среди школьников и студентов. Так некоммерческая организация Экологический фонд «Амринская балка» провела в 2011 году 10 сезонов в экологическом межшкольном палаточном лагере с участием учеников из 22 школ Москаленского района с охватом более 2 тысяч человек. И такое организуется во всех районах Омской области.

В общеобразовательных учреждениях области организовано ежегодное трудовое воспитание. Например- в 2010 году в области функционировало 254 ученических бригады, в их составе 503 производственных звена с охватом 18 049 человек. Вместе с этим под руководством опытных педагогов школьники занимаются исследовательской и научной работой. Исилюкульской городской детский общественной организацией «Детский эколого- эстетический центр» проведено 16 семинаров, 20 экологических гостиных, 12 конкурсов и фестивалей и 6 экологических форумов. Не меньший объём работы проделала Тарская районная молодёжная общественная организация «Истоки». И эти примеры можно продолжить.

Вместе с тем на территории области идёт постоянное строительство, сельскохозяйственные и другие работы, где нередко нарушаются экологически нормы, не соблюдаются законные требования. Можно с трудом представить сложности по охране окружающей среды только при строительстве Красногорского водоподъёмного гидроузла на Иртыше, строительстве международного аэропорта «Омск- Фёдоровка» или прокладки метрополитена в г.Омске.

Предлагаемая читателям данная книга в стихах, рассказах и фотографиях рисует живые картины богатства и многообразия флоры и фауны Омского Прииртышья, показывает душевную заинтересованность авторов в охране Природы и окружающей среды.

В.Н. РУСАКОВ,

Заслуженный деятель науки России, доктор сельскохозяйственных наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный мелиоратор России.

ПОЭЗИЯ: ПРИХОД ВЕСНЫ

ВО ДВОРЕ

На припеке, за черным амбаром,
снег растаял - и лужи блестят.
И скворцы неразлучною парой
то на луг, то к скворечне летят.
За плетнем пахнет сеном,
навозом,
в огороде дымится ботва...
Тают копыя сосулек –
с них слезы : кап-кап-кап!...
И звенит синева!

ЗАПАХ ТАЛОГО СНЕГА...

Солнце греет трухлявые брёвна,
запах талого снега в лицо...
Глуховатая бабка Матрёна
вышла в фартуке на крыльцо.
У бычка залоснился загривок,
тычет голову прямо в ведро.
Рыжий пёс лает звонко, игриво...
Воробей смотрит с крыши хитро...
Села бабочка на солнцепёке...
В первой луже плывут облака...
На кустах ладят гнёзда сороки...
Скрип телеги и свист седока.

РАННЯЯ ВЕСНА

Нынче спорая весна -
паводок на речке.
Синь... Разливами полна
даль... Ручьи лепечут.

ПЕРВЫЙ РУЧЕЙ

Из сугроба, меж березок, под
веселый крик грачей светлой
струйкой, осторожно выплыл
маленький ручей. Робко булькает,
чихает... Осмелел - пустился вскачь.
Листья, ветки в нем играют...
Чудится то - смех, то - плач...

ВОЗВРАТИЛИСЬ

На гриве заря в талых водах
зажглась,
жнивье позолотой сверкает...
Два лебедя с кликаньем,
низко кружа,
салятся на поле, с края.
Купаются в луже и зерна клюют
усталые белые птицы,
и шеи выгнув, глоточками пьют
живую, родную водицу.

Приветствуют криком родные края,
и капли, как жемчуг, стекают с
крыла.

У оврага сестрички - две ивы
желтым пухом слегка зацвели.
Ветер треплет им косы игриво,
слышу клич лебединый вдали.
Пахнет гнилью, увядшей травой.
Пар прозрачный плывет из

куста.

Неуютно, прохладно - не скрою,
но
такая вверху СИНЕТА!

НА РАЗЛИВАХ

Майский ветер освежает-
нежит губы, щёки, лоб...
В ручейке вода живая
о любви поёт взахлёб!

ЧАРЫМ

В лесах- «чарым», жестокий снег...
Пастись косулям трудно,
и что ни шаг - то с кровью след...
В сугроб ложатся грудью...
И стайкой медленно бредут
к жилью, на огороды,
а сзади - вой... Их здесь спасут,
накормят, в лес проводят...

И.П. Шелудких

ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ

Здесь встарь по весне
разливалась вода -
озерами даль
отражалась.
На гриве высокой,
где леса гряды,
деревня светло
возвышалась.
Стога и кустарники
плыли в воде...

Ручьи, словно малые речки,
победно журчали
под пеной везде...
Казалось: так будет навечно.
Но нынче прорыли
канал обводной,
плотины построили, гати...
И стало так грустно:
не видно весной
разливов сверкающей глади.

ТАЛАЯ ВОДА

Теплый ветер в ивах свищет.
В каждой луже - небосвод.
Нет вкусней, прохладней, чище
этих чудных талых вод.
Пью водицу из-под снега,
вытаяв во льду глазок.
Ах, какая сладость, нега -
леденцом скользит глоток!

В ТУЙСКОМ ЗАКАЗНИКЕ Желтовата, в темных пятнах

а с ушей свисает кисть...

Когти длинные на лапах...

Не тигрица - это рысь!
ЗАКРАИНА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера...
Враз растопила кромку льда
под берегом березовым.
А ивы желтые стоят
по грудь в воде...
Горит закат...

В КОШАРИНСКОЙ ЛЯГЕ

Лес первым цветом зеленеет...
А на поляне вдалеке,
косуля, хвостиком белея,
летит в стремительном прыжке.
В мгновенье в ракете исчезла -
блеснул пушистый пятачок –
как пух лебяжий, нежно-
нежный...
И вновь прыжок!.. Еще скачок!

НА СОЛНЦЕПЁКЕ

А на завалинке у дома,
за ветром - тишь и благодать.
Сижу на солнцепеке... Дрема

мой взгляд пытается застлать.
Прищурившись, слежу как ветка
качает почки-лепестки,
как кот крадетса незаметно
к плетню...
Присел: и вмиг - прыжки!..
Расправив крылья, на припеке
сверкает бабочка огнем...
К скворечне на шесте высокоом
скворцы несут пушинки в дом.

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Осколки белых льдин на берегу
играют хрусталем, горят лучами.
Я, радостный, с веслом к реке бегу,
сверкает лодка черными боками.
Мы с дедом конопатили вчера,
пазы кипящим варом пооблили...
И вот, я в лодке, и кричу: "Ура!.."
Гребу против течения что есть силы!

ВЕСЕННИЕ СПОРЫ

Вальдшнеп - лесной куличок,
квохчет над тихой поляной.
Красавец, драчун-петушок
кружит в рассвете туманном.
Маховых перьев изгиб
рассвечен лучами...

Навстречу - соперник:
бой в ярости сшиб
друг с другом их
в споре извечном!

НА БЕЛОЙ ГРИВЕ

Ликует лес!..
Ручьи - в лучах зари,
а день назад белели
здесь сугробы.
В овраге серебром вода искрит,
а почки вербы - злато высшей пробы!
В рассветной дымке, прямо на меже
два косача в зазывном иступленье,
как в бубен бьют, ярятся...И уже
крылами хлещут, рвутся в наступленье.

РОДНАЯ СТОРОНА

Обмелели берега
Оши - узкой речки...
На лугах видны стога,
дым костра - колечком.
Ивы у пруда грустят,
заросли дорожки...
Провода вверху звенят
песнею тревожной.
Скотный двор и городьба
бедных огородов...
Брошенной стоит изба -
в окнах тени бродят.

.ВСТРЕЧА С БАРСУКОМ

Белые и черные полоски
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой березкой
Я дивлюсь на лабиринт траншей!
Поископана вокруг поляна,
свежий грунт... Вот старая нора...
- Как подземный замок ?!
Очень странно...
Вечереет, мне домой пора.

ТРИШКИН УВАЛ

С детства я тебя познал:
лес на склонах, травы...
Возвышался ты, увал,
гривой величавой!
В согре, под горой, смородина –
запах чудный, запах Родины!

Налетел горячий ветер -
пыль, как облачко, скрутил.
Раскачал у ивы ветви.
Вдоль по речке прокатил.
Рябь осталась на воде...
Прошумел - и нет нигде.
Только долго в черной тучке,
что над лесом проплыла,
бился майский гром могучий,
закусивши удила.

ЗАТОР

Льдины мчат во весь опор
по реке могучей...
У моста опять затор-
льдины сбились в кучу!
Треск и скрежет...
Ледокол
жмёт, гудит призывно.
С хода глыбы расколот!..
Волны плещут зыбко.

Тучка холодком пахнула,
писк и крик с кустов смахнула.
Зашумела ветерком
над березовым листком.
Потемнел полдневный луг.
Слышен цокот - капель стук.

ДОЛ

Полюбил я с детства луг-
в нём траву косили.
Вился речки полукруг.
И стрижи кружили...
Собирала мать в подол
землянику красную...
Лишь поздней узнал, что дол-
это луг мой ласковый!

В НОЧНОМ

Звездной ночью у обрыва
в тьме звенит, поет родник.
Тени мечутся пугливо
от костра через тальник.
Слышен говор, лай и ржанье...
Крышки стук на котелке...
В ясном небе - звезд мерцанье,
яркий свет костра - в реке.

«НА ЛЕСНЫХ ЗАКРАЙКАХ» (Из книги, изданной в 2001 г.)

«...Всего несколько коротких рассказов Владимира Зензина - и перед нами раскрывается мир Таинственной Природы, от которого мы, горожане, всё больше и больше отдаляемся, лишая себя одной из самых великих радостей бытия. Этот серьезный недостаток восполняют откровения о птицах и животных, о цветах и деревьях, которые автор почти очеловечивает, проникая в их суть - чувственную, думающую и удивляющуюся.

Читая, невольно ловишь себя на мысли, что при всем этом ты сам присутствуешь, как будто бы стоишь за спиной большого знатока природы, тонко и чутко истолковывающего великие ее тайны. Рассказы Владимира Зензина трогательны любовью к Сибирскому краю, который, благодаря писателю, становится понятным, близким и родным.

Мне в детстве повезло: был такой взрослый человек, который нас, двух друзей, поднимал до утренней зорьки и вел на Иртыш ловить рыбу. С того времени у меня нет выше желания, чем выйти на реку или озеро в ранние утренние часы. И в этом плане Владимир Зензин чем-то напоминает мне мое детство и того доброго человека, который подарил мне эту любовь к природе на всю жизнь.

Удач вам на творческом пути. Пусть ваша любовь к Природе поможет ей выжить, в том числе – и с помощью молодого поколения, которому адресована книга.

В.А. Дудкин,

главный специалист Комитета по делам науки и высшей школы
Администрации Омской области.

Рассказы: ВЕСЕННИЕ РАССВЕТЫ

Первые краски весны

Март, первые солнечные дни. По утрам медленно рассеиваются мутные завесы, между облаков обнажаются огромные голубые проталины. К обеду все глубже синее небо, снег в полях нагревается, сверкающие лучи, словно мечом, кромсают посеребрившие сугробы. Во все стороны, до самого горизонта, просяняются дали.

Дни стали как бы выше, просторнее, длиннее. Столько новых цветов и красок принесла весна, набирающая шальную скорость. Слева, в сизой пелене, парит чернолесье, справа горит изумрудным островком зеленый сосновый бор. А впереди, в овраге, манят к себе желто-красные узоры таловых почек.

Я все дальше отхожу от деревни. Через поле, еще по-прежнему белое, пролегла потемневшая санная дорога. Местами, где ухабины и рытвины, снег вытаял, проглядывает чернота вплоть до прошлогодней травы. Рядом, из придорожных кустов, звонко тренькают синицы, по-весеннему задористо и бойко. В коноплянике, на краю межи, без умолку кричат юркие красногрудые чечетки. А вот на крайних кустах алеют румяными яблочками снегири. Они медленно перемещаются с ветки на ветку и издают свирельные выдохи-свисты, словно печальные и прощальные голоса уходящей зимы.

В моей душе отзываются грустные струнки расставания с белоснежной красавицей, одетой в иней и бахрому. Иногда суровой и вьюжной. Но такой родной и желанной.

«Прощай! Прощай!..» - звенят на сто ладов птичьей трели. Я тоже склоняю голову, прощаюсь и приветствую новые дни, весеннюю даль:

«Здравствуй, весна, желанная и звонкая. Солнечная и радостная. Где же твоя перелетная новая певчая смена: разноголосые скворцы, грачи, жаворонки...»

Еще нескоро появятся утки, кулички, чайки. А вот лебеди летят уже на первые лужицы. Их не пугает мартовский позимок. В первых числах апреля в полях наблюдается явление «Сорок сороков». Это сорок разных видов птиц спешат сейчас с юга на свой весенний праздник.

А пока по утрам все громче бьют в бубен на токах красавицы-тетерева, они прыгают и яро бормочут, вызывая соперника на брачный бой. Где-то глухари страстным крылом чертят на снегу любовные узоры, а глухарки квохчут на пригретом кочкарнике. Ожилились, засвистели рябчики. Звери парами встречают утренние весенние зори. Весь мир ликует, трубит, поет...

Бал-маскарад

Наступление весны для меня рифмуется с детскими присказками: «Апрель- скворчинная трель», «Апрель- никому не верь» и им подобными...

Оно и понятно: в начале апреля звучат победные птичьих песни. Звонкие, радостные, торжественные - как гимн весне! Как музыкальная прелюдия к весеннему бал-маскараду.

В начале апреля отмечается птичий праздник «Сорок сороков», извещающий о прилете сорока видов птиц. И, конечно, первый из них - скворец! Лишь только оттают порыжевшие косогоры, на лугах появятся первые проталины - и черногрудые певцы тут как тут. Я люблю встречать этих птиц не у скворечников, а в потеплевших полях, на раздольных лугах. Снег повсюду нагревается, оседает. В оврагах, сугробах он становится ноздреватым, хрупким. Как капилляры, капля за каплей, в толще снега образуются маленькие ручейки. Вот уже и первые лужи, а над ними - скворчиные трели...

Набухают желтовато-золотистые ветки ив у реки, покрываются красно-коричневыми сережками кусты ольхи, раздуваются, полнеют сероватые почки осин. От проснувшихся деревьев и кустарников сквозит свежим, горьковатым и неповторимым запахом земли.

Теплая вода сбегает в овражки, заполняет низины и камышовые заросли. Лебеди и гуси гортанными криками оглашают озерные дали. Следом за ними прилетают непоседливые кряквы и вездесущие кулики, Иногда еще выпадает из тучек снег, по ночам потрескивают заморозки, но солнце красное вершит свои дела. Рушатся снежные дороги, на опушке леса оживает муравейник, вылетают на припек яркие бабочки, на пень вылезает погреться ящерица.

А на гнездах сидят уже вороны, под ними, меж двух кочек, притаились сосунки, первые зайчата-настовики. Их возле своего гнезда вороны никогда не тронут. Неподдалеку черный дятел-желна барабанит в сушняке, на лесных

полянках идут брачные бои тетеревов.

С каждым днем, волна за волной прибывают с юга птицы разных пород. В ярком, красочном оперении собираются в птичьи базары на огромных разливах. Красавцы-селезни то там, то здесь проводят турнирные бои за право быть рядом с самкой.

Мне все это представляется как настоящий весенний бал-маскарад. И даже ночью не стихают птичьи голоса. Природа ликует, неистовствует в своей жизнерадостности и любви, в стремлении к неизбежности, к вечности... А вот на поляне и первые подснежники. И я благодарно вспоминаю слова моей мамы: *«Апрель - не холоднее марта, не теплее мая, но самый долгожданный месяц весны...»*

Ночная птица

Стемнело окончательно. Я возвращался с рыбалки, впереди бежала моя вездесущая рыжая Каштанка. Березы по краям просеки слились в единую темную стену, и только дорога, как узкий тоннель, слабо проглядывала на фоне уже звездного неба.

Вдруг впереди, над самой землей, мелькнула маленькая, едва заметная тень. Не сразу и определишь: или зверек какой пробежал, или низко так пролетела запоздалая птаха.

Каштанка рьяно бросилась вперед, затем прыгнула в кусты. Но тень снова промелькнула невдалеке над дорогой, и собака - следом за ней. Так повторилось трижды. И только на четвертый раз я зорким мальчишеским глазом рассмотрел небольшую легкокрылую птаху.

Пришел домой и рассказал деду Ипату.

- Эта птичка - козодой, не простая; а ночная. Она - серенькая, с длинным хвостиком и белыми пятнами на крайних перьях. Ее песни и странные вскрики ночами, с громким хлопаньем крыльев, пугают запоздалых путников. Даже от неожиданности вызывают дрожь у бывалых охотников и рыбаков. Она - очень забавная птаха, особенная.

...Прошли десятки лет. В моих ночных странствиях по глухим лесам и полям в бессонную тишину постоянно врывались песни и крики козодоя. И что особенно приятно: я хотя и вздрагивал, но в то же время радовался, понимая, что в ночном просторе бодрствую не один. Что со мной вместе, где-то рядом не спит малая забавная птаха - козодой.

Как-то в одном поэтическом сборнике прочитал: *«Ночная болотная птица наносит тепло от дорог...»*.

Какой-то поэт, наверное, пробовал описать козодоя.

В последние годы особенно мне полюбилось в конце апреля на вырубке или у лесной поляны слушать первые брачные песни козодоя. Нежные и страстные, они заканчивались таинственным протяжным урчанием птицы-невидимки. А видеть днем мне ее доводилось очень и очень редко. Такая она скрытная, осторожная. Если даже где-то близко сидит, разглядеть - трудно, даже охотнику.

ПОД БОЛЬШЕРЕЧЬЕМ

Встречая, светлая излучина
блеснула в ивняке густом.
Звезд отраженье, тайной мучая,
в воде мигает под кустом.
Постелью стелется волнистою
осока... И встает туман.
Волною легкой, снежно-чистой
клубит, течет к моим ногам.

По рядкам скакали грабли,
над копной сверкали вилы...
Мои руки не ослабли,
в них еще хватает силы.
Удивился дед: как смог
я сметать высокий стог!

В кадочке квасок под пеной,
ковшичек берестяной...
После луга с тяжким сеном
пью - и квас такой хмельной!
Целый день гребли, копнили
с мамой. И сметали стог...
Вот попил - сажусь бессильно
возле сенцев на порог.

ЗАСУХА

Целый месяц нет дождя,
никнут хлеб и травы.
Солнце жарит, не щадя
поле и дубравы.
Сенокосная пора -
луг желтеет, спекся.
Тень берез, и в ней - жара.
Лист висит поблекший.
Лишь пчелиный слышен гул...
Ветерок хотя б подул.

ОТАВА

На лугу сгребли в рядок
сено - вслед, на славу
подросла, как на глазах,
юная отава.
Шелковиста, зелена -
за волной встает волна!

В. Чешегорову

ОЗЕРО ЧЕРТАЙЛЫ

Таежное озеро - старицы ветвь.
У берега - лодки, на вешалах - сеть,
кувшинок цветы, зелень ряски в
воде,
гагары на лавде пригнулись в
гнезде...
Тревожные чайки над синью
кричат...
Гребу все острее, мой светится
взгляд.
Сквозь толщу воды различаю
язей, -
метровые щуки - на дне средь
корней!
Вот в ямке, под камнем,
два скользких налима...
Стерлядка торпедою юркнула
мимо...

ПОДСОЛНУХ

В моем палисаднике утром
подсолнух
лицом обращен на восток.
К обеду на юг повернется за
солнцем,
расправив любой лепесток.
А к вечеру, ясный закат
отражая,
на запад печально глядит.
Светило огромное
сопровождая,
весь день солнцем малым горит...
Сегодня за тучами спряталось
солнце -
лицо опустил, загрустил мой
подсолнух.
ОПОЛЗНИ У НОВОПОКРОВКИ
Разлилась весной река,
берега подмыла,
и с обрыва - с высока
иву уронила...

Тропа взбирается на кручу...
Былинный яр. И щель - узка...
В еловых лапах малый лучик
мелькнул прощально, свысока.
Вхожу в овраг я... Сумрак, сыро.
Клокочет дико водопад.

Поляна впереди открылась,
и алостью цветы горят.
По грудь таежные лавиной
качаются, плывут, как облака,
а солнце прячет в согре яркий хвост
павлиний...
И лай собачий, тихий,
бежит издалека.

ЯГОДНЫЕ МЕСТА

В Чугунлах и Шатайлах
рям за рямом тянется,
на багульнике, на мхах
ягоды румянятся.
Лишь брусника отойдет,
клюква алым соком
брызнет враз из-под сапог -

Птицы, занесенные в Красную Книгу

Сапсан

Орлан-белохвост

Беркут

Стрепет

Аист

Савки

вздогнешь ненароком.
Словно капельки крови
в свете утренней зари!

Вьюн взметнется, и уляжется
золотистой струйкой пыль...
Белым-белым морем кажется
вдоль обочины ковыль.
Коршун медленно снижается,
миг - и камнем упадет...
Распахнулась степь тишайшая,
жаворонок лишь поет.

с. Большой Атмас

А день восходит, полный синевы,
пыль солнечная вьется за ветрами.
На бугорке - зеленый вихрь травы...
И бабочка летит к оконной раме.

п. Береговой

У ПОСЕЛКА КРУТАЯ ГОРКА

Намывная полоса
из песка и глины...
Светит белизной коса
в повороте длинном.
Речки голубой изгиб,
луг - цветы и травы...
Рядом светофор горит -
катер скорость сбавил.

Прошумел дождь теплый над
поляной,
выглянуло солнышко опять...
Пахнет медом, щавелем,
дурманом.
Запахов вокруг - не сосчитать!
В капельках дождя блестят
ромашки,
васильки, левкой, вороний
глаз...
А клубника алостью окрашена,
что ни ягодка - то напоказ.

БЕЛАЯ СОВА.

Ночью белая сова
тоже стала чёрной,
машет крыльями едва-
в луг летит дозором.
Из норы полёвка вышла-
вниз, стремглав сова - на
мышку.

В заливе, у высокого обрыва,
в кустах горит шиповника
огонь,
и к берегу с лохматой, рыжей
гривой
идет в заре, пофыркивая, конь.
Он мутит воду, бьет ее
копытом,
пьет медленно... Закатный луч
горит
в воде пожаром... Золотом
облитый,
как изваянье, долго конь стоит.

с. Луговое

машины-«МИГи» рвутся в синь!..
Внизу в садах- цветы живые,
Вдоль взлётной полосы- польнь.

Просторна степь, колыхается ковыль
и душу мне раздольем майским мает,
и не понять: где небыль, а где - быть?
А жаворонок в небе зависает.
Безбрежна даль...
У горизонта - синь...
Мир нежится в веселом буйстве
лета!..
Какая свежесть, нега и теплынь
над величавой степью в зорьке
светят?!..
Плывут, плывут безбрежно ковыли -
и нет просторней, ласковой земли.

с. Цветочное

ПАСЕКА

Пригласил меня пасечник в
поле-
улья к клеверу перенесли...
Накормил меня мёдом он
вволю,
дал две соты и даже спросил:
-Если хочешь с пчелою
дружить,
приходи, буду делу учить.

ХУТОР

На отшибе, меж лесами,
есть изба и скотный двор...
Нелюдимый дед Исаич
проживает с давних пор.
Семь коров... телки... барашки...
У ворот пёс с рыком страшным...
Не один он- со старушкой
много лет живёт в избушке.

Чечетки в саду дружной парой
летают в рассвете утра...
Одна из них, с грудочкой яркой,
алеет расцветкой пера.
Поют - то одна, то другая.
Звон нежный плывет в тишине...
Прополкою я занимаюсь,
они же - все ближе ко мне.
Вот сели вплотную на грядку...
Но так осторожно. С оглядкой.

Цветы в лугах: Иван да Марья!..
Я вспомнил трудное житье,
как в дни войны соседний парень
домой вернулся на село.
Пришел израненный войною
солдат- безусый паренек
на костыле, с одной ногою...
Женою девушку нарек...

Иван да Марья! Свет прекрасный
цветов лесных на зорьке ясной.

д. Цветнополе

ГОРЛИЦА

Многоцветный веер перьев
с белым пятнышком хвоста...
Различаю меж деревьев
горлицу я у гнезда.
Она кормит своих деток...
Тихо дремлет полдень летний...

ЗАРЯ

Блекнет небо звёздное-
тонкий штрих зари
узенькой полоскою
радужно горит.
В синий свет окутаны
дали Иртыша...
Свежестью предутренней
полнится душа!

Рассказы: КАРТИНЫ ДЕТСТВА

Волчье лыко

В середине апреля под лучами жаркого солнца растаяли последние снега в овраге заречной согры. Звонкие ручьи унесли талую воду в грохот ломающегося льда на речке Оше, которая вышла из берегов и затопила обширные луга.

Встал, вопросительно смотря на деда Ипата.

Он мне пояснил:

-Это, внучек, кустарник с названьем «Волчье лыко». Правда, в книжках именуют «Волчником» или «Волчегодником». Дважды в году растение бывает особенно красиво: в апреле - когда цветет, и в августе - когда на веточках появляются плоды. Их в народе называют «Волчьи ягоды». Цветы, ягоды, сами стебли - все ядовито. Веточки очень мягкие, не ломаются, кора мочалится. Ранее кое-что я плел из волчьего лыка, но перестал. Все-таки веточки ядовиты, да и коротковаты. Лучшие - таловые прутья.

Дед Ипат еще очень долго рассказывал, как иногда люди по незнанию ели «волчьи ягоды» и отравлялись. Приводил и другие интересные случаи.

Мы нарубили две вязанки таловых прутьев, и когда шли обратно домой, я незаметно хотел сломить несколько цветущих веточек. Но «Волчье лыко» не ломалось, а легко выдернулось из земли с корнями. Дед это заметил и строго выговорил:

-Кустарников «Волчьего лыка» становится все меньше и меньше. Животные, звери, неопытные люди часто вырывают это растение с корнем. Если привести цветы домой, они быстро завянут: А лес без них с каждым годом беднеет...

Майский озимок

Снег мечется перед глазами, попадает за воротник, медленно зависает в воздухе. Белые хлопья цепляются за ветви деревьев, прилипают к заборам и окнам домов. Утренний Омск погружен в сумерки, в кружение снежинок. Похолодало до минус пятнадцати. Такого на помнят даже старожилы.

Уже идет первая неделя мая, листья тополей распустились, на полянах за городом сквозит яркая зелень травы. Многие птицы давно сидят на гнездах, высиживают птенцов.

И надо же такое: второй день свистит пурга, улицы покрыты грязным снегом. В моем понятии озимок - это тот снег, что выпадает весенней порой на час-два и тает при плюсовой температуре. А сейчас - настоящая зима.

Как всегда, в конце апреля вернулись в родные края с зимовки утки разных пород, кулички, чайки. А скворцы, лебеди и гуси прилетели к нам еще в первых числах апреля. И сегодня в небе над Иртышом потянулись обратно на юг отдельные стайки птиц. Но это - малая часть.

А основная масса пернатых - без пищи, при непрекращающемся снегопаде - прячется где только возможно. Хорошо, если рядом большой водоем с незамерзающей водой. А вот лужи, разливы и мелкие озера сковал лед. И в этот лед вмержают погибающие птицы.

Все это я наблюдал вчера на лугах, разливах, возвращаясь проселочными дорогами из Таврического района. Потом заехал по дороге на дачу в «Карьер» За изгородью, на маленьком замерзшем озерке, под камышом сидел неподвижный красавец-крякш, уронив голову на лед. В ярком брачном оперении селезень встретил здесь коварную весну...

Я подошел по берегу вплотную и убедился, что он мертв. Как признак жалости и какой-то моей вины - по коже пробежали мурашки. Вот если бы хоть кто-то насыпал ему вовремя хлебных крошек, он наверняка остался бы жив. Да, вчера по радио было несколько выступлений председателей различных комитетов, директоров школ, специалистов-биологов с просьбой к населению помочь беднякам и подкормить пострадавших птиц. А сегодня по телевидению показывали, как школьники некоторых районов области подбирали обессилевших птиц и приносили домой. Обогревали, кормили...

Я долго брожу по набережной Иртыша. Снег начал стихать. Потеплело. Но какое-то горькое предчувствие не покидало мое сердце...

Жажда жизни

Дед Ипат распряг потного Серка, я помог ему спустить с телеги черную, просмоленную лодку на зеленую осоку озерного причала. Уложили в лодку сети, выморенные ветрами и солнцем, тычки из сушняка - и поплыли. Утро нежилось в солнечных ярких лучах, над синью воды кружились чайки. За бортом, на волнах сверкали, разбегались причудливые блики. Все вокруг было наполнено свежим, радостным дыханием нового дня...

Щеки мои щекотал легкий весенний ветерок, я весело оглядывал большое озеро. Каково же было мое удивление, когда я увидел на воде, вдоль и поперек озера, ровные ряды тонких зеленеющих деревцев. Их раньше здесь не было. Беленькие березки, голубоватые талы в бессилии раскинули короткие хрупкие руки-веточки с зелеными листочками. «Как странно», - подумал я и вопросительно взглянул на деда.

- *Ах, тудык твою душу!* - только и вымолвил Ипат, лаконично, как всегда, выражая свое негодование...

А потом пояснил, что какие-то горе-рыбаки совсем недавно порубили на тычки молодую поросль. Эти березки и талины, лишенные корней, обречены на гибель, но пока весенний сок в них борется за жизнь, деревья зеленеют. Но это - пока...

Горностаи

Когда-то в округе возле нашей деревни водилось бесчисленное количество птицы и зверя. Зайцы часто забегали по ночам на огороды, лисьи следы появлялись у колхозных пригонов, волки иногда забирались в овчарню. Тетерева прилетали и садились на березы в центре села.

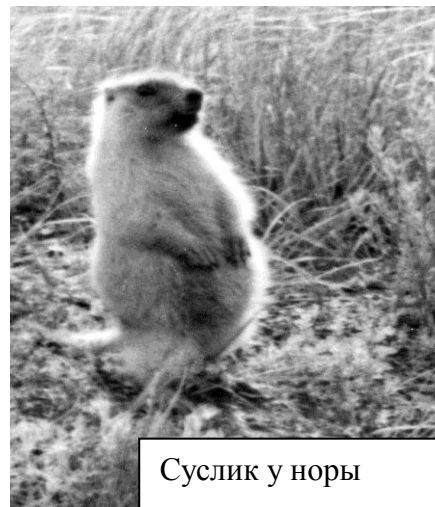
Лесная живность проникала часто в деревню. Около восьми семей зверьков-горностаев облюбовали себе место для жилья под амбарами и саманами, вырыв возле них глубокие норы. Вот такие - присутствия собак рядом не испугались.

За двумя горностаями под амбаром соседа я наблюдал с октября до самого Нового года. Небольшие, светлые, изящные и быстрые зверьки редко показывались днем из своих нор, но наутро я находил на снегу множество отпечатков их лап. Парные, четкие, размашистые следы резко отличались от кошачьих - тяжелых и частых.

И вот под Новый год у моего дружка Сашки, что жил за три дома от меня, горностаи проникли в избушку и растерзали нескольких кур. Утром мы с ним вдвоем долго рассматривали следы зверьков и выследили по огородам ход в дальний амбар на другой улице. Такие хитрые наглецы: рядом у соседей кур не тронули, а пришли к Сашке. Я, рассматривая в углу избушки дыру, удивлялся, как они могли подкопаться и прогрызть половые доски, которые, правда, уже слегка подгнили.

Сашка, смелый и решительный пацан, давно занимался охотой с ружьем, а капканов не имел. Но в тот же день выпросил их у старого охотника и насторожил в дырах. На второй день оба горностаи попались в капканы, а друг мой не унимался. Поставил ловушки и к моему соседу под амбар. Отловил и этих. Так за зиму он переловил горностаев по всей деревне, за что получил десятки «спасибо» от баб и мужиков.

Я Сашке не признавался что мне было очень жаль красивых, грациозных зверьков. Так не хотелось верить, что они хищные. Позднее, встречая в лесах и полях колонков, норок, лисиц и других пушистых четвероногих, я почему-то сразу вспоминал наших, деревенских горностаев.

Суслик у норы

Поэзия: ЛЕСНЫЕ ЗВУКИ

ВИХРЬ

Разметал камыш с осокой,
заподь рябью принакрыл,
растрепал у ивы локон...
Клубом пыль с дороги сбил.
Ввысь взметнул травинки скопом
и исчез в прыжке высоком.

МУТНЫЙ СЛЕД

Утром ранним росным лугом
стадо пестрое бредет...
Вот коровы, друг за другом,
переходят речку вброд.
Им речушка - по колени,
здесь с весны плотины нет,
смыл ее поток весенний...

Не река, а мутный след.

Если грустным станет вечер,
если дома - канитель,
я уйду к туманной речке,
где тоскует коростель.
Посижу я над обрывом
у холодного ключа...
Будут звезды плыть над ивой...
Месяц вспыхнет, как свеча...
И в воде холодной, темной,
отразится мир огромный.

ЛЕС ПЕЛ...

Дождь лёгкой тучкой пролетел-
грибной и земляничной...
Лес заблестел, повеселел
от песен, криков птичьих!
А серыги- капельки, звеня,
срывались с тонких листьев,
и на дороге колея
ручьём светилась чистым!
Плыл запах трав в моё лицо-
дурманящий и резкий...
Катилось солнце колесом
над дальним перелеском...
Завороженный, я молчал
в тени большой осины...
А лес мне громко пел- звучал
оркестром чудной силы!

ДОЛГОЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

Небо сразу потемнело,
наклонилось, поползло...
Резанули молний стрелы,
даль кромсая на излом!
Гром, как беркут
сложив крылья,
пал на затхлые поля,
вихрь пахнул
попынной пылью,
затемняя небеса.
В сумеречной поволоке,
словно в падьме глухой,
первый,
крупный дождь процокал

ШУМ БЕРЕЗ

Ветра нет. Но в тихой зорьке
слышу близкий шум берез:
в нем - полыни запах горький,
в нем - шептанье дальних звезд.
В нем все звуки пробужденья:
всплеск крыла дремавших птах,
капель росных вниз скольжение
и букашек первый страх
Листья ото сна очнулись -
и лепечут и поют.
Веточка слегка качнулась -
муравьи по ней ползут.
Тонко тенькнула синица,
пулей просвистел паук...
Легкий пар внутри струится,
и скрипит засохший сук.

КАБЫРДАКСКИЕ ГРИВЫ

Из берез, осин те гривы -
гривы сказочных коней,
ветер треплет их игриво
в крае юности моей!..

СЕНОКОС

Светлы вершины облаков
в июльских небесах.
Мне с каждым шагом нелегко -
"жиг-жиг" поет коса.
Алеют ягоды в траве,
со лба стекает пот.
Кузнечик сел на рукава,
стрекочет - мне поет!

ЛУННЫЙ СВЕТ

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна:
белые рыбки неслышно скользят...
блеклые травы задумчиво спят...
Грустные листья поникших берез
в капельках светлых мерцающих
рос...
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норок сидят.
В белой, хрустящей одежде я сам...
Всюду бело- даже больно глазам!

ОБЛАЖНОЙ ДОЖДЬ

Лепечет дождик обложной
в березняке среди веток,
и в травы тоненькой струей
стекает незаметно.

Раскрылись лепестки цветка,
приподнялась пшеница...

И светит капля с колоска,
на усике искрится.

Парит нагретая земля,
повсюду пыль пририта...
Из тучек сереньких, шалая
дождь сеет, как из сита.

УТРО ЛИКУЕТ

Избы вдоль речки...

Над ними- рассвет
тенькает радостной птицей.
Даже петух кукарекнул чуть
свет...

В заспанных окнах зарится
Алость пылает на глади речной,
чайка крылом чуть коснулась...
Тополь махает мне веткой –
рукой...

Миром весенним люблюсь.
Утро ликует- и горном звеня,
соком берёз наполняет меня.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Посреди большого тальника -
озерцо в плену сонливой ряски.
Лилий белоснежных три цветка
на средине светят тихой лаской.

А у берега зыбун-трава
высотой до пояса, густая...
Два ручья - два светлых рукава
тянутся, в густых ветвях
скрываясь...

Я, как Робинзон, один брожу
и следов зверей не нахожу.

КОЗЛЕНОК

Стройный, тонкий... Острые
копытца
по поляне весело стучат:
вот они ведут к ручью напиться...
вот бегут вдоль леса, наугад...

А глаза ясны, блестят, как сливы...

Выгиб шеи с шерсточкой
игривой...

На лугу искрят цветы.

Пчелы, словно пули,
так свистят... Жар с высоты,
листья аж свернулись.

Распалилось, не щадя,
солнце... В дымке речка...

Я в полях брожу, грустя, -
сел, в тени - не легче.

Под березою, на пне,
разморен я в тишине.
Пожелтели даже травы -
дай дождя ты, Боже правый!

В СТЕПНОМ ЗАКАЗНИКЕ.

Шел я рощей: утра рань,
с веток капли светят...
Разомкнулся лес, елань
стелется приветливо.
Вся в цветах искрит поляна,
воздух кружит чистый, пряный!

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.

В ней с самого-то донца
всплывают облака.

Вдоль берега- лужайки
с зелёною травой...

На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Зеленая березовая роща
качает в ветках сотни черных гнезд...
Грачи взлетают и крикливо ропщут,
и чем-то озабочены всерьез.
Внизу овраг, заполненный водою,
заросший камышом и тальником,
и в нем лисица шкуркой золотою
мелькает, замечая след хвостом.

Берег подмыло...

Свисают кусты
шиповника с ягодой алою...

Страшно сквозь ветки смотреть с
высоты

на речку таежную, малую.

Но о колочки рукав разодрав,
в овражек стараюсь спуститься.

Пасмурно... Тихо... Над зеленью трав
прохладною воздух струится.

Булькает ключик чистой струей.

Губами к нему припадая,
я наполняюсь живою водой,
усталость дорог забывая.

с. Иванов мыс

Я - ЧУЖОЙ

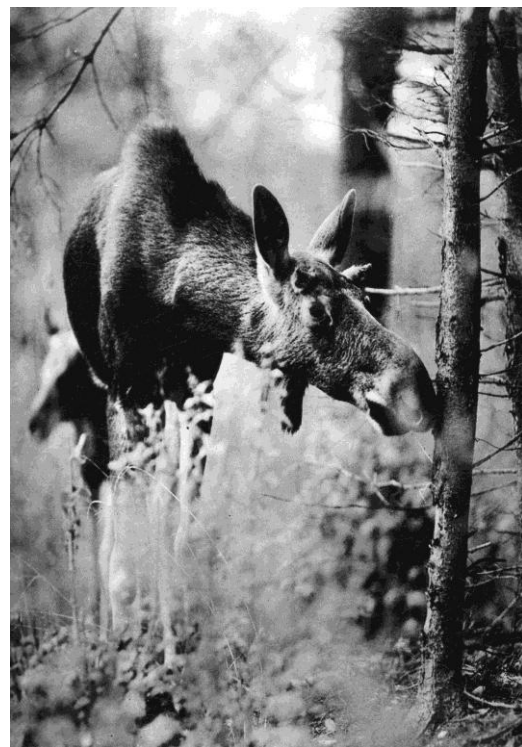
Я в лес вошел - сплошная тишина...

Покачивает ветка мирно листья.

И лишь пчела передо мной одна
на маковке цветка нектар все ищет...

Две-три минуты длилась немота,
обманчивая - лес очнулся, ожил:
крик птичий, шорох с каждого
куста...

Да, я - чужой здесь, а точнее –
прохожий.

Рассказы: ЛЕСНЫЕ ПОЛЯНЫ

Переход

Утренний ветерок веял в лицо свежестью, шелестел в придорожной траве, перебирал, пересчитывал листочки на ветках берез. Колеса телеги скрипели, шуршали, пели, стонали. От самокрутки струился едкий, горьковатый дымок, отдававший живой теплотой.

Уже показалась Захарова роща, когда собаки азартно, с лаем бросились в канаву, затем выскочили из нее на поле. Конюх Ефим сразу разглядел, как впереди них, припадая на крыло, то опускаясь к земле, то взмывая над ней, летела серенькая утка. Лошадь сама по себе остановилась. Ефим слез с телеги, подошел к дождевой лужице в канаве.

Желтые и синие цветы приподнимались над водой, а между ними плавали несколько пушинок. Раздвинув траву, он быстро нашел маленьких желтых птенцов из породы «чирков» - самых крохотных уток. Слабенькие и пухлые, они попискивали и недовольно, пугливо клевали ладонь, когда он пробовал собрать их вместе. Бесплезно. Они снова неуклюже расплозились кто куда. Один из них выскочил на лужицу и, шлепая перепонками лапок, шустро пробежав по воде, нырнул. До ближайшего озера было более километра, можно было отвезти их туда. Ну, а если их не найдет утка? «Нет,- решил Ефим, - пусть мать сама и ведет...» Он подошел к телеге и засвистел, окликая собак. Те вернулись, тяжело дыша, высунув языки, и с хода кинулись искать утят. Ефим властно подозвал их, обхватил ту и другую руками и уселся на телегу. Погоня лошадку, успокаивая четвероногих, поехал вперед. Собаки обиженно скулили, а Ефим думал о маленьких, беззащитных существах.

Ведь есть еще лиса хитрая, остроглазые коршуны, вездесущие вороны. Сколько опасностей может встретиться им в пути, пока доберутся до озера?!

Соловей «Варакушка»

Жизнь непредсказуема. Пришлось мне бывать во многих уголках нашей необъятной России. Под Ленинградом и в Иркутске, на Кольском полуострове и на Кавказе, в Абакане и на Саянах, на Черном и Азовском морях. Всюду - удивительное многообразие природы, встречи с сотнями зверей и птиц.

Певчие птицы - особая достопримечательность любого края. Соловей среди них - на первом месте. В общепризнанном понятии соловей - птица внешне неприметная, серенькая, неказистая. Окраска крыльев и хвоста - светлая, верх и бока покрыты буровато-коричневыми перьями, низ - темно-серый. Это - обыкновенный соловей, встречающийся по всей России. Поёт чисто, громко, прозрачно - на 8-10 колен.

Кроме этого всеми признанного солиста, есть еще в разных краях семь видов соловьев, уступающих в силе и красоте голоса, но имеющие яркую

бросающуюся в глаза окраску. Так, синий

соловей встречается повсеместно на юге Сибири и Дальнем Востоке. Спина у него темно-синяя, перья хвоста и крыльев также синего цвета. Грудка и низ - белые. В других местах встречается соловей-свистун. Есть южный соловей и другие разновидности.

Мне всех ближе соловей-варакушка, живущий во многих областях Сибири. Эта порода знакома многим. Когда я рос в деревне, мы почему-то звали варакушку - «крапивницей». Самец варакушки особенно наряден: грудь у него ярко-синяя, снизу рыже-черная полоска, посередине зоба рыже-белое пятно. И хвост такой же рыжий, с черными полосками.

Очень мне нравилось, как варакушка подражает громким трелям скворца и других птиц. Его голос вмещает в себя звон весенней капли и напев ручейка, шелест листьев березы и свист ветерка. В песне варакушки мне слышится особая нежность и чистота окружающей природы. И моя любовь к этому соловью с детских лет осталась на всю жизнь.

Теперь в городе, когда я приезжаю на дачу и вечером на закате отдыхаю на раскладушке под деревьями, ко мне подлетает соловей-варакушка, садится на нижнюю ветку и начинает распевать. Вначале тихо, осторожно. Затем все звонче и раскатистее. Очаровательные трели возвращают меня в детство, на луга и поля - в сказочное царство деревенского лета. Для меня варакушка - родной. Он - соловей Сибирского края.

Ежик

Проснулся я от тихого шороха, как будто кто жесткой щеткой чистил мой диван, на котором я сплю. Прислушался. Под диваном кто-то с шумом фыркал, смешно сопел. Я вначале испугался, хотел вскочить и убежать к маме в спальню, а потом догадался, что это ежик, который уже неделю живет у нас под скамьей.

Вот ежик обследовал диван, вылез из-под него и ушел в дальний угол под тумбочку с телевизором. Чем-то там снова пошелестел, недовольно попыхтел и отправился в соседнюю комнату, где пробыл очень долго.

Я уже снова засыпал, когда он близко протарабанил ногами, пробежав на кухню. Я различал, как он лакал из блюдца молоко, хрустел капустой. Мне было приятно, что угощение, приготовленное мной с вечера, ему понравилось.

Всю ночь, то и дело, я урывками слышал, как ежик ходил по кухне, то по комнатам.

А утром мама сказала, что ежик не давал никому спать и что его надо отнести в ближний лес. Нехорошо держать его в клетке, а выпускать из нее на ночь – не даст спать. Днем я, в компании с соседским мальчиком Мишей, отнес зверька за околицу в березовую рощу и оставил на лесной полянке.

Камышовка

Удивительно маленькая, серенькая птичка прыгала в тугой и густой заросли камыша. Озеро было диким, пустынным. В камышах глубина – до трех метров. Даже утки и те улетали с мыса к берегу на кормежку.

А эта неутомимая малышка прыгала и прыгала с камышинки на камышинку в самой гуще. Чаще ее не было видно, и только тихонько вздрагивали вверху метелки камыша, выдавая ее присутствие. Камыш пожелтел, поблек, мошки погибли от первых заморозков. И чего она искала, я так и не понял.

Вот движение камышинок приблизилось к моей лодке вплотную, и здесь я увидел ее отчетливо. Мелкое желтоватое перо на грудке походило на пух, облетающий с метелок. Крохотная головка, очень грациозная, слегка вытянутая вперед, заканчивалась светлым клювом.

Тоненькие коготки изящных серых лапок цепко держались за трехметровый стебель. И странно –

она двигалась по камышинке сверху вниз, что меня больше всего и восхитило.

«Как в вековом лесу», – подумал я. И в этот же миг птичка заметила меня. Яркие зернышки ее завораживающих глаз посверкивали удивленно и настороженно. Мгновенье- и она прыгнула в сторону, за плотную стену камыша.

«Какое изящество, какое чудо природы!» – с улыбкой прошептал я про себя.

КУРОПАТКА НА ГНЕЗДЕ

Шел я полем возле леса
и почти у самых ног
вдруг увидел интересный
с серым пухом бугорок.
Вот головка, клюв...О, Боже,
вижу птицы робкий взгляд...
Здесь гнездо?! И осторожно
отступаю я назад.

Этой ночью в огороде
коростель поет, звенит...
И с ума собаку сводит
птичий крик... И пес скулит.
За плетнем - река с осокой,
в дымке - рощи полукруг...
Смотрит месяц ясным оком
на туманный белый луг.
Не заснуть мне - птичий крик
в форточку мою проник...

д. Савиново

КРАПИВНИЦЫ

Поливаю дачу... Бьет из шланга
дождь густой,
в кустах листва дрожит...
Чу! На ножках тоненьких,
галантно,
птичка между грядками бежит.
Грудка голубая, хвостик-маятник.
Да, ее крапивница зовут.
А букашки, словно пооттаяли
от дождя - то там, то тут снуют.
Ловит их крапивница играючи,
хвостик-маятник то вверх, то вниз!
Ловко у нее так получается -
кружит и танцует вальс-каприз.

Поэзия: ПТИЧЬИ ГОЛОСА

СОРОЧЕНОК

Терновый кустик в тишине
шуршит,
и ярко-желтый светится горошек.
У сороchonка несчастливый вид:
нахохлившись, сидит он, всеми
брошен.
Ползет все выше солнышко в
зенит.
Жара... Ни ветерка... Притихла
роща.
Поляна в полудреме сладко спит...
Лишь сороchonок кыркает и ропщет.

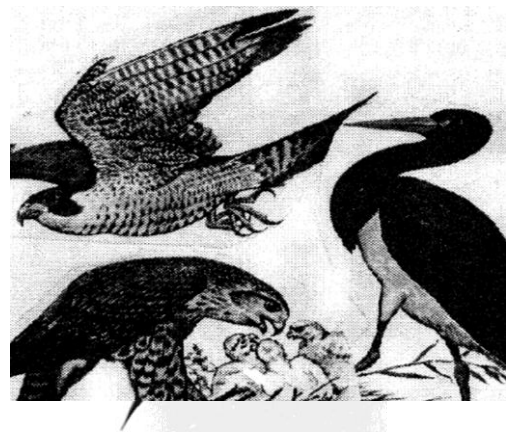
В ГНЕЗДЕ У ИВОЛГИ

Восемь птенчиков в гнезде.
Желтых - семь, а серый -
лишь один... И быть беде:
что он свой - не верят...
И семь желтеньких птенцов
для него, как семь врагов.
Даже птичка-мама
с ним строга, упряма.
Семерым - по червячку,
а ему лишь - мошку,
он кричит: "Ку-ку! Ку-ку!" -
чем других я плоше.
Он - подкидыш, несмышлениш...
Ку-Ку-Ку!..Он, кукушонок!

ЖАВОРОНОК

Серый, крохотный певец
в небе точкой замер...
Трель его на сто коленц,
лётся утром ранним.
В синем мареве завис
с бесконечной трелью.
На гнездо глядит он вниз,
там птенцы пригрелись.
День ласкает на лугах
кисти алых ягод...
Рядом – свежие стога...
От реки- прохлады

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ
Завешаны зелёным хмелем окна
и облепиха дремлет у ворот...
От зноя день затих...

Светлы волокна
прозрачных облаков-
в них высь поёт.

В них- жаворонка голосок
беспечный,
и оклик журавлиный с грустью
вечной!

ТУРПАН

(сон из моего детства)
Черный, вроде смоляной,
сел на плес ко мне весной:
статный, мощный и красивый,
с алым отсветом бровей -
он плывет и горделиво
вдаль кричит любви своей...
С белым зеркальцем на крыльях,
турпан снова мне приснился.

СКОПА

Небольшой и юркий ястребок,
с черною полоской на груди,
мчится с озера наискосок...
Два стрижа отстали позади.
Вижу когти, и добычу в них -

с серебристой чешуею язь.
Просвистел разбойник - смел и лих,
меж деревьев в роще растворяясь.

КАЗАРКА КРАСНОЗОБАЯ

“Кли-Кли-Кли!” –

кричит казарка
одинокая вдали.
Лед и снег...
Смотреть мне жалко
на отставшую с земли.
Ее гонит ветер к югу,
и смотрю ей долго вслед:
«Почему она не с другом?
Где же стая? В чем секрет?»

САПСАН

С острыми крыльями, как
реактивный,
сокол промчался в тиши.
Крякковый селезень плюхнул на
лыву, -
ныр - и уплыл в камыши.
С белым брюшком, отливающим
медью,
сокол- сапсан в вираже
выпустил когти, и скорость
замедлив,
чиркнул по волнам уже!

ИХ НЕТ ЧЕРНЕЙ

На свежескошенной поляне
грачиный, радостный
галдёж...
Шумит застолье...
Чёрный глянец
на крыльях вызывает дрожь.
Ступая важно, кособочась-

клюют кузнечиков, червей...
Взлетают стаяй вдоль обочин,
как призраки- их нет черней.

СТРЕПЕТ

Стрепет - мелкая дрофа,
с опереньем пестрым,
но быстрее петуха
пробегают версты.
Длиннонога и стройна,
словно ветер, мчится...
Ей трава и степь нужна.
В озими гнездится.

СОВЕНОК

Дикий лес с тропой звериной...
Утопают ноги в мох.
Резкий, громкий клич совиный
застает меня врасплох.
Рядом в веточках - совеноч.
Желторотый... Серый пух!?!
На меня глаза спроконок
он тарачит: “Что за дух?!”
Обхожу куст осторожно,
а сова над головой,
вниз срываясь с кликом грозным,
кажет когти: “Кто такой?!”

ПРИИРТЫШСКИЕ САЙКИ

Перья - дыбом на головке,
крылья в черно-голубом...
Состязаются в сноровке -
расклевать орех вдвоем!
А сегодня наблюдаю -
их собралась сразу стая.

ЛИСИЦА

Одинокая лисица
в норке у реки живет...
Длинной ночью ей не спится
и она на луг идет.
Запахи ей нос дурманят:
куропатки свежий след
в плотный куст, таловый, манит.
Виден перьев белый снег.
У копны с душистым сеном
слышит тонкий писк мышей...
К ним она крадется тенью
в тихих сумерках ночей.

Ястреб крылья расправил,
над поляной парит,
смотрит влево и вправо -
спать мышам не велит.
Машет крыльями редко...
На мгновенье завис -
ясно: что-то заметил -
камнем падает вниз!

В ЗАРЕЧНОЙ СОГРЕ.

По болоту шел я осторожно...
Но раздался треск гнилых жердей
под ногами - словно выстрел
грозный

прогремел, вспугнув двух
крякашей.
Закричал удод, за ним - сорока,
стала булькать, ухачь кочкара,
и лягушки всхлипли в осоке -

все очнулось вмиг в лучах утра.
Все насторожилось, окликают:
кто я, и зачем в их тихом крае?!

ПЕРЕШЕЕК

Между двух озёр- дорожка,
и над ней берёзок шелест...
Кружит коршун...
Осторожно
затаился перешеек.
Слева- берег, справа- берег...
Птицы коршуну не верят.

На полянке, клубникой богатой,
треск кузнечиков, сотни
стрекоз...
Разбежались перепелата -
слышен писк их у дальних берез.
Меж цветов и травы непролазной
желтых птенчиков как
рассмотреть?!
Мать кричит: “Где мои вы,
проказники?!”
И взлетает - и села на ветвь.

БАЛОБАН

Рыжебурый великан,
ты похож на беркута,
как последний могиқан
птичьего бессмертия.
Чем же вдруг не угодил
человеку ныне.
Гордо в небесах парил
и куда-то сгинул.
Как боялись суслик, мышь -
если был ты рядом.
А теперь - над полем тишь
грызунам на радость.

НА РАЗЛИВАХ

Речные зори

Есть у меня любимый уголок за Усть-Заостровкой. На старице Иртыша, в ивняковых зарослях спряталось от постороннего взгляда тихое, светлое зеркальце заводи с небольшими камышами и маленькой лужайкой. С рюкзакom, налегке, один пробираюсь по высокой росистой траве...

Наладив две удочки, сажусь на раздвижной стульчик и любуюсь красно-оранжевыми бликами на полусонной, спокойной глади. Вот-вот из-за невысокого леса покажется край огненного солнечного диска.

От воды струится легкое испарение. Шустро бегают по всей заводи водяные паучки-челночки. В центре плеса раскрылись две белые лилии, самые красивые мои цветы. За ними - желтый кружок из нескольких кувшинок, они интересны тем, что, сомкнув на ночь лепестки, полностью погружаются в воду. Ближе к берегу буйно цветет над водой большое семейство водяной кашки.

Неожиданно из камыша выплыла кряква, за ней целый отряд утят. Желтенькие, с темноватой грудкой и коричневыми носиками, не обращая внимания на меня, быстро проплывают вдоль камыша. Смешные, с открытыми клювами, гоняются за мошками, ловко склеывая их на лету. Пересчитал. Ого, аж одиннадцать, подвижных, пискливых обитателей водоема.

Разглядываю воду, направляю взгляд вглубь.

Над плавучей зеленой травой притаился серебристый, продолговатый, зубастый щуренок. Видать, подкарауливает ершей и пескарей.

Их нет, а то бы давно попали на мои крючки. Пока же два желто-красных поплавка с леской лишь изредка слегка дергаются и снова замирают. Представляю, как ленивые, пузатые карасики неохотно касаются приманки. Постукают носами по мормышке, обнюхают и отплывают в темную глубину.

Сидеть устал. Встаю, разминая затекшие суставы, иду по полянке в кусты за хворостом для костра. У ног качаются пушистые одуванчики, в росе сверкают лиловые колокольчики, светлеет в стороне распустившаяся белая кашка. Внизу, между цветами, на листе подорожника зеленый усатый кузнечик тренькает, словно начинающий музыкант.

То там, то здесь пролетают белые и синие стрекозы, бойко гудят над раскрытыми лепестками деловитые пчелы. Повсюду в ивняке перекликаются птицы.

А солнце все еще медлит, чуть-чуть показавшись из-за леса. В синей выси над поляной то и дело проносятся речные ласточки-стрижи. Где-то под высоким обрывом у них в норках есть гнезда.

Озеро Долгое

На горизонте по чисто-голубому простору плывут медленные кучевые облака. А над озером, над моей старенькой лодкой-долбленкой, сверкает огромное Светило. Оно бьется лучами о зеркальную гладь, преломленные и отраженные ею огни полыхают в моих глазах. Тонкий, прозрачный пар клубится у самой воды. Тишина. Я молчу, и мое молчанье – откровеннее, понятнее любого монолога, потому что слова рождаются и остаются в моем сердце. Я четко различаю их звучание:

«... Озеро, ты не просто огромная чаша с живою водой, со звенящими камышами. Или хрустальное, прозрачное зеркало с вечно шелестящей о чем-то осокой, с всплесками радужных рыб, с призывным кряканьем уток. Ты – большее!!! С мягкими дорожками по берегам, с березняком и осинником, затаенными у самой воды, – ты вобрало в себя весь огромный мир. Мир из мгновения и вечности, из радости и откровения, из доверия и любви ко всему существу.

Во все времена года и в разное время суток ты имеешь свою единственную, неповторимую окраску: вода твоя – то синяя, то зеленая, то со свинцовой рябью, то – огненная, с полыхающей зарей. Весною, в половодье, растекаешься по зеленым лугам. Осенью, окаймленное рыжими камышами, мелеешь, покрываясь у берега ряской и тиной.

Зимой изумрудно-хрустальное под снежным покрывалом – как заснувший лебедь. Твое настроение передается мне, мое – тебе. Если я весел – в любую погоду ты излучаешь мягкий, ласковый свет, если я чем-то опечален – грустишь вместе со мной.

Озеро, я могу наблюдать часами, как в тебе плавают облака и синь опрокинутого неба.

По ночам ты – особенно торжественно, со звездами в глубине черных вод, с лунной серебристой дорожкой на таинственной глади.

И все-таки озеро, ты – не просто уголок земли. Ты – мое трудное детство. С тобой

я вырос, возмужал! Ты научило меня видеть прекрасное, научило думать, понимать жизнь.

Озеро, ты моя судьба, от начала до конца дней моих. Тебя я вспоминал и в Москве, и в Ленинграде, и в курортных городах, в скорых поездах. И особенно – когда мне бывало трудно: под операционным ножом или бессонной ночью в темной квартире, раненному чьей-то обидой.

Озеро, ты мое сокровище, моя маленькая Родина!».

Дятлы

Я ступал резиновыми сапогами по влажной оттаявшей поляне. Кое-где сквозь прошлогоднюю траву пробились молодые зеленые ростки. Желтовато-фиолетовые почки талов резко пахли у оврага, в котором еще лежали сугробы серого снега. Зато на пригорке распустился бутон бледно-розовой Печеночницы. Близко за болотом бормотали тетерева, в кустах звенела веселая песня невидимой мухоловки-пеструшки. С края леса шевелился большой муравейник, рядом с ним на пень присела бабочка- Лимонница, помахивая, как веером, желтыми крыльями, где-то в нескольких местах звенели, журчали неутомимые ручьи.

Пересекаю поляну, вхожу в лес и удивляюсь. Огромные старые осины то здесь, то там подгнили и повалились на землю. Некоторые странно наклонились. Такое я обычно наблюдал в заболоченной местности, да и этот лес находился в какой-то обширной низине, заполненной талой водой. Но еще поразило меня и другое: повсюду, по всему лесу разносились многочисленные дробные стуки от налетевших сюда прожорливых птиц, любимых мной дятлов, Их, видимо, собрали здесь отмирающие деревья, в которых легко выдалбливать дупла для гнезд.

Стою, слушаю... Вот раздался громкий хохот зеленого дятла. Следом желна, промелькнув меж стволов, разразилась пронзительной улюлюкающей трелью. А это барабанит по стволу молчком, почти рядом со мной, пестрый дятел. К нему подлетел его напарник. И они продолжили уже вдвоем. Отовсюду такой треск по всему лесу, что захотелось пойти и посмотреть. Но делаю несколько шагов, проваливаюсь, и зачерпываю краем сапога воду вместе со снегом. Выругался и вышел из царства дятлов обратно на теплую солнечную поляну...

Второй раз я попал в этот лес, собирая первые грибы. По всей округе снова слышались дробные перестуки, но звучали они реже и тише. Пригляделся: многие дятлы сновали туда-сюда, от гнезда в поле и обратно. В клювах несли корм, навстречу им из дупла выглядывали головки детенышей.

Под одним деревом я рассмотрел на земле небольшого птенца. Видимо, выпал из гнезда. Вначале я подумал, что это ежонок, так как острые пеньки будущих крыльев торчали на нем, как иголки. Взял в руки, рассматриваю полуголое тельце, большой клюв с выступающей уродливо нижней челюстью. Да, уродец и только, а не птенец красивой птицы. На дергающихся ножках, на широких и толстых пятках различаю грубые мозоли. Это специфические наросты, помогающие лазить по стволам.

Поднял я птенца повыше на дерево, и тот, как скалолаз, быстро полез к своему дуплу. Вот тебе и уродец, а какой проворный! Такие- то парадоксы природы. И еще – подрастет птенец, и, как из сказочного гадкого утенка, вырастет из него красивый дятел.

Лунность

Так уж получается что на озерах я часто – в одиночестве. Вот и сегодня дядька с племянником уехали за пять километров на другое озеро ставить сети, а я остался здесь, на зимнике, на вечернюю зорьку. Солнце уже давно закатилось, утки с озера улетели к берегу на кормежку, все затихло. Но мне спешить некуда. Тихо плыву в лодке по широкому проходу в камышах к берегу.

Луна, огромная и яркая – над самой головой, кажется вот-вот окунется в воду. В моей лодке-раскладушке светло, как днем. Отливает блеском вороненая сталь стволов ружья, светятся серыми красками крылья крякового селезня. Он кажется живым. Даже резиновые чучела, еще мокрые от воды, посверкивают необычной окраской и тоже похожи на живых уток.

Вода возле лодки вздрагивает, бежит легкая волна, переливаясь серебряным светом. На камыше – янтарные капли росы, выступающая из воды ряска красива и причудлива, как кружево. Озерный мир преобразен лунным светом в сказочное царство. И только за камышами, у ближнего леса, черные тени напоминают о наступившей ночи. Я встаю на ноги, легонько отталкиваясь веслами. Лодка, как шука, скользит вперед по серебряной лунной дорожке. Камыш кончился, по бокам над низкой осокой – тонкая пелена тумана. Оттуда слышится

кряканье прилетевших на отмель кормиться уток.

Возле талового куста различаю нашу палатку. Машины с дядькой еще нет. Снова присел на сиденье в лодке и слушаю голоса птиц, шелест осоки... Вот из-за озера, от мигающей огнями деревушки, бежит далекий-далекий лай собаки... А может, то – кажется. Так чутко звенит тишина...

ОСЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

ПОРА СОМНЕНИЙ

В паутинах куст белеет
над обрывом Иртыша.
Не пойму - о чем жалеет
грустный шелест камыша?
Стынет золотая осень
на жнивье и по лесам,
почему никто не спросит:
отчего печалюсь сам?..
В небе дальнем птичьи стаи
клиньями спешат на юг.
Отчего в глазах грусть тает,
с чем я нынче расstaюсь?..
В паутинках куст - белеет, -
ну, а он о чем жалеет?..

ПОЕЗДКА В ТАРУ

Сыплется желтый песок с
крутояра,
кустарник сползает в овраг.
Гудит теплоход, над трубой
струйка пара
взметнулась - трепещет, как
флаг.
Луга заливные... Зеленые ивы,
протоками птицы летят...
Я с палубы домик красивый
заметил
в деревьях, с резьбою фасад.
Вот старицы русло, плес с
птичьим базаром,
и пестрое стадо в лугах...

А вот, наконец, - долгожданная
Тара.
Причал весь в закатных лучах!

КОВАРНОЕ БОЛОТО

А кочки, как живые, на плаву
играют, прикрывая мрак
колодцев...
Шагнешь поспешно в рыжую
траву -
и с головою в воду окунешься.
И не достанешь илистого дна...
Вокруг талы и мхом заросший
берег...
Шумит камыш о том, что жизнь
одна
и что нельзя болотным кочкам
верить.

ПУГЛИВЫЙ ЗАЙЧОНОК

Вышел месяц из-за туч,
осветил поляну.
Меж березок резкий луч
на зайчонка глянул.
Тот проснулся: ночь ли, день? -
не поймет спросонок.
От деревьев всюду тень,
выпь в болоте стонет.
Шмыг зайчонок от берез
к свету, на опушку,
крутит, вертит всяко нос -
ушки на макушке...
Месяц травы серебрит
и дорожки стелет,
а зайчонок все дрожит,
тишине не верит.

ВОСХОДИТ РАННЯЯ ЗВЕЗДА

Над речкой гаснет ясный день
и, розовея, облака
в закатную уходят тень...

Сижу я у стожка.

Восходит ранняя звезда -
как малый уголек,
плывет по небу наугад...
Как свет ее далек!

ОТМЕТИНЫ НА СРЕЗАХ

Охажу свежих дров
к поленице несущу,
сок светлый выступает на
поленях.
Круги на срезах, то года в лесу
-
оставили нам знаки
сотворенья.
Один круг - рваный, а второй -
темней,
а этот - тоньше.
Видно было лето
засушливым. Другое -
холодной?..
Как на лице, читаю все
отметины.

Если друг меня обманет
или как-то обзовёт-
жаловаться я не стану
маме, папе- я не тот.
Я уйду на луг...
Цветами
надышусь, и утоплю
в речке грусть...
Вновь сильным стану!..
И обидчика прошу.

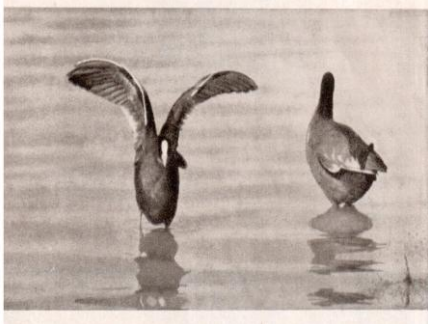
ДЕНЬ ИЛЬИ

Вот и август... День Ильи.
 Синь прохладой веет с
 речки...
 Откупались, отгребли.
 Пляж пустынный смотрит в
 вечер.
 С луга стелется туман...
 Сырость из кустов пахнула...
 В небе птичий караван...
 И грибами даль вздохнула.

 Ах, какая тишина!
 Улеглась в проулке пыль...
 Тучка черная видна -
 так обманчив этот штиль.
 Быть грозе! А в речке -
 синь...
 В травах - нити паутин.

НА ОЗЕРЕ ЛЕБЯЖЬЕМ

Дробь серпом ударила
 по шее -
 оборвался лебединый крик.
 Гладь озерная пятном белела,
 браконьер испуганно поник...
 Воровски подъехал он,
 и в лодку
 затащил красавца-кликуна...
 В камыше, допив бутылку
 водки,
 до утра ворочался без сна.

ОХОТНИЧИЙ СОН

Набродившись по болоту,
 в стог соломы заберусь,
 и, уставший, беззаботный,
 в сладкий сон я погружусь.
 Под ночным прохладным
 небом,
 как в постели пуховой,
 запах трав, цветов и хлеба
 будут плыть над головой.
 Коростели грусть седая
 и совы разбойный крик,
 сны мои переплетая,
 в сказку унесут на миг.

ВЫПЬ

На утренней зорьке в
 холодной заре
 иду по болоту в большой кочкаре.
 Осока, камыш - ветка это иль
 клюв?...
 А рядом бекас вылетает,
 мелькнув.
 Но профиль заметней
 сквозит в камыше:
 вот крылья... вот ноги...
 - И смутно в душе.
 Ведь я же охотник - меня ль
 удивить?
 Все ближе и ближе - да это
 же выпь!

ХРОМОЙ КУЛИК

Лес обнажился... Стынут
 дали
 с поблекшим лугом и рекой.
 Хромой кулик, отстав от
 стаи,
 все кружит, плачет надо
 мной...
 Присел на отмели песчаной,
 где в волнах плавится закат,
 между камней исчез
 печально -
 сам будто в чем-то виноват.
река Камышовка

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Снова бегут за окошком вагонным
 нивы, холмы, голубая река...
 Роща с деревней- у крайнего дома
 луг начинается... Вижу стога.
 Люди, как пчелы, с утра копошатся
 на огородах, а кто- во дворе.
 А по шоссе друг за дружкой
 мчатся,
 в гонке машины, как в детской
 игре...

Долго смотрю из окна я вагона,
 как на экране- пейзаж незнакомый.

ОСЕННИЙ СВЕТ

В тучи солнышко ясное
 спрятали небеса,

но лучи его красные
 не исчезли в лесах.
 Свет багряный на листьях
 заиграл, загорел,
 но сверкая лучисто -
 никого не согрел.

 У стога пообщипаны бока,
 к нему следы лосиные
 приводят...
 Тетерева взлетают из рямки,
 летят над лугом... Солнышко
 восходит...
 А на жнивье под снегом
 залегла
 пшеница, и рядки едва
 заметны...
 Заря морозом на поля стекла.
 Неубран хлеб! За это кто
 ответит?

ОСЕННИЙ КОСТЕР

Чуть отсыревший коробок
 я спичкою потер
 и чиркнул раз, еще разок!..
 И запылал костер.
 Горела ярко береста,
 сушняк всюю трещал...
 Светились веточки куста,
 а лес темнее стал.
 Огонь плясал, огонь гудел -
 и в рокоте огня
 послышалось,
 как кто-то пел...
 Потом чихал, дразня...
 И, негодуя, звал... кричал...
 И искрами стрелял...
 И тихо плакал, осерчав...
 Согревшись, я дремал.

ПЕРЕЛЕСКИ

Здесь - осины, там - березы...
 Синь - поляны меж лесов.
 Ответ нежен, легок, розов
 от летящих облаков.
 Островками перелески...
 Лесостепь - мой край
 прелестный!

д. Березовка

В ГЛУБИНКЕ

Поздняя ягода

По утрам стало подмораживать. На траве и кустах высыпает иней, а из низких серых туч нет-нет да и сыпанет не то град, не то – снег. Холодрыга весь сентябрь жуткая.

Наш путь лежит из Омска через Тюкалинск на Усть-Логатку, далее – на Карасук, в нем переночевали, утром рано выехали в деревню Заозерную. За ней какое-то брошенное село, где остались пусты, без окон, две избы.

Новенький «пазик»- вездеход идет без пробуксовки через ручьи и промоины. Начались зеленые рямки: слева, справа,

впереди. В березовых колках деревья облепили стаи непуганых тетеревов. Их- сотни.

Опытный проводник везет нас без остановки до небольшого озерка. Это - конечная точка пути. Вылазим, нас - восемь человек. Ставим палатку, разжигаем костер. Пьем чай, пятиминутные сборы - и в путь. По ряму, по еле заметной дорожке, по колено в воде, выходим через километр на клюквенное болото.

Клюква - крупная, спелая, прозрачная, налитая ароматным соком. Она алеет на покрывале из темно-зеленых мхов. Изредка попадают кочки, на которых растёт багульник с уже почерневшей, сморщенной, перезревшей брусникой. А клюква - в самом соку, и столько ее много. Красно, куда ни глянешь. Ее тоненькие веточки-ниточки почти незаметны. Кажется, кто-то невидимый порассыпал эти необычные ягоды.

До обеда, в среднем, нащипали все по ведру. Перекусили и до вечера- ещё по ведру. Водитель с сыном собирают приспособлением-«комбайном». Они набрали по мешку каждый.

Обратный путь до палатки с грузом очень мучителен. Ноги глубоко проваливаются в мох, вода иногда захлёстывает за отвороты простых сапог. Хорошо, у кого они охотничьи, болотные.

Усталые, потные в темноте уже добираемся до машины. И в ночь- домой, 300 километров пути без сна и отдыха...

Зато как отрадно зимой наполнить тарелку свежей клюквой, пересыпать ягоды сахаром и, с хрустом раскусив их, ощутить аромат и сладость.

Клюква – особая ягода. Сохраняется подолгу, не теряя своих вкусовых качеств, Поздняя ягода, но и самая лучшая, самая полезная.

Озеро Тенис. Самое северное гнездование колонии кудрявых пеликанов, занесённых в Красную Книгу.

Домашние и дикие

Мальчишкой как-то принес с озера утенка кряковой утки, самой «матерой», как их называли старики. Попал в сеть рыбаку, тот отдал мне. Думал: *«Выращу, может, получится подсадная».*

Утенок много и охотно ел и пил из чашки, плавал в тазике с водой. Иногда я его выносил на речку. Вел он себя спокойно. Быстро подрастал. Появились дудки на крыльях, затем – маховые перья.

«Подстриги крылья», – посоветовал соседский Петька. Я не стал подстригать, уж больно хотелось мне увидеть, как мой утенок начнет подыматься в воздух. «Улетит», – повторял Петька, а он и не думал взлетать.

Часто на озерах я наблюдал за утиными выводками. Желтенькие, пухленькие утята быстро

бегают по воде за мошками, подрастая, начинают нырять в воду, доставая со дна корм, потом, когда вырастают крылья, начинают учиться летать. Энергичные, резвые, смелые – они любили ветер, воду, небо.

Мой же утенок ничего не любил. В небольшом тазике, под навесом, скрывающим небо, он тучнел, жирел. И только когда в сентябре стаи птиц в небе поплыли на юг, он расправил свои крылья, взмахнул ими. Но они были тяжелыми, непослушными...

Я всегда против категоричности в суждениях и прямолинейности в сравнениях. И все же – как расценивать пример с утенком?..

Кто не видел, как домашняя утка, неповоротливая, спокойная, взмахивает крыльями и старается взлететь.

Напрасно, бесполезно. Стая домашний гусей, слыша призывные крики с небес, долго разбегаются по берегу реки, махая крыльями. Некоторые даже поднимаются на крыло, пролетают метров сто и тяжело опускаются на землю.

Они позабыли ощущение полета, крылатые, они сравнялись с бескрылыми. А в небесах торжественно и четко уплывают вдаль стаи свободных собратьев.

Вот так за плотными засовами ворот, клеток, вольер утрачивается ощущение прелести бега, полета, поиска. Добротный корм, тихая жизнь сделали одомашненных животных малоподвижными, грузными. Но домашние

птицы и животные – лишь один пример потери свободы. А есть еще категории людей, которые в этом смысле уподобляются бескрылым птицам.

На Камышном

Солнце скатывалось за темно-зеленый лес, а навстречу ему наползала черная туча. Она быстро росла и уже закрывала край неба, постепенно всасывая в себя солнце.

Простояв полчаса без выстрела, я сожалел, что забрался в эту глушь. Камыш поднимался выше плеч, я стоял не двигаясь, так как после любого движения трясина подо мною уходила вниз, и вода подбиралась к отворотам сапог. Утки, хотя их и было много, не летали, изредка покрывая по камышам. Озеро походило больше на болото, с многочисленными зеркальцами воды.

Даже комары угомонились. Вот один зазвенел над моим ухом и тотчас исчез. А туча нарастала, клубилась темными космами и слегка громыхала.

Небо над озером небольшое, со всех сторон окаймленное высоким лесом, от чего кажется, что и озеро, и я сам находимся в какой-то низине. Странное ощущение.

Наконец, туча заполонила все небо, стало совсем темно, а дождя нет. Затих на мгновение ветер. Только издали, со стороны леса, слышался нарастающий шум, словно там продиралось огромное стадо животных. Какая-то робость и смятение наполнили озеро. Ни крика, ни писка...

Неожиданно на плечо упало несколько крупных капель. Еще и еще. И вдруг, как из ведра, полилось бесконечными струями. Казалось, не серебряные ручьи стекают с неба, а от земли выросли стебли дождя. Сплошная водяная завеса. В одну минуту я промок до ниточки.

Дождь прекратился неожиданно, как и начался. Я торопливо вышел из камыша на твердый берег, перевернул ружье стволами вниз, из которых полилась вода. Снял раскисший патронташ, выжал куртку и кепку и огляделся.

Небо очистилось полностью, лучи заходящего солнца, скользя над лесом, ярко освещали озеро, над которым творилось что-то невообразимое. Утки и чайки по одиночке, стайками взлетали в воздух, громко крича на все лады. Рядом со мной кружились чибисы, яростно кувыркаясь и окликавая друг друга. Кулички и бекасы, с пронзительным криком, пикировали с высоты на озеро, на котором разразился невиданный праздник. Трава, осока, камыш, таловый куст – все блестело изумрудным светом капель, все дышало чистотой и новизной жизни, наполняя мою грудь беспричинной радостью.

Опята

Мокрое осеннее небо с утра темнело, хмурилось. Не хотело никак просыпаться. Но откуда-то налетел резкий холодный ветер, березовый колокол вздрогнул, посыпалась с веток золотистая листва. Словно из вышины кто-то резко выдохнул раз-другой, и лес оказался полуголым.

Мглистая высь очистилась от туч, по вершинкам деревьев заскользили, заискрились солнечные лучи. Засверкали, заиграли яркие блики по опавшей листве, росистой траве, зеленой полевой дорожке.

Сворачиваю в лес, захожу вглубь. Огромный старый пень виден издалека. Он весь усыпан опятами: на упругих ножках, кучками, весело поблескивающие шляпками. Они завораживают мой взгляд. Да, это к ним я спешил навстречу с утра пораньше. О них я мечтал длинными зимними вечерами. Наклоняюсь, словно кланяюсь. Тихо говорю: «Здравствуйте!..»

Тенис. Молодые пеликаны поднялись на крыло.

Берёзовый ключик

Красноперый окуnek, золотистый карасик и три серебристых гольяна жили в маленькой речушке, под яром. Жили дружно, припеваючи. На берегу росли белые березы, из-под крутого обрыва на песок вытекал тоненький ручей. Вода в нем, даже в жару, была холодной-холодной, чистой-чистой. А звали его – «Березовый ключик». Окуnek, карасик и три серебристых гольяна гонялись днями за водяными букашками и мошками, выпрыгивали, играючи, из воды или ложились на песчаное дно, подкарауливая паучков. Но вечером обязательно приплывали к «березовому ключику». Над речкой замолкали птичьих голоса, солнце пряталось куда-то за березовую рощу, становилось сумрачно и тихо. И только «березовый ключик» звенел светло и нежно, вбегая веселым ручейком в темную речку. Он рассказывал рыбам, как давным-давно благодатный дождик из туч пролился на поля, напоил травы и цветы, хлебное поле. И вот под землей – капелька за капелькой – слился в ручеек. И стал искать дорогу к речке. Долго искал и здесь, у березовой рощи, из-под обрыва пробился к свету живительным родником – «березовым ключиком».

НА ЖИВОТЕ

Ползал я в полях на животе,
чтобы подсмотреть за птицей,
зверем.

И теперь наивной простоте
городских охотников не верю.
Жажущим потехи да стрельбы,
лишний шаг не хочется им
сделать.

Потому - глухи они, слепы.
Выпить, закусить - важнее
дела?!

А в охоте надо наблюдать
и часами, при любой погоде -
верить, ждать, напрасно не
пугать.

Вжиться в естество самой
природы...

К миру в первобытной красоте
не зазря я полз на животе!

Синь зависла в полях...

Неоглядна.

Паутинки повсюду летят...
По траве, на шестах, в роше
рядом

нити белые всюду искрят...
Лодка дремлет в воде, на

приколе,

и звенит грустной песней
камыш...

Разгулялся тенетник на воле,
разлетелся... А в воздухе - тишь!

В КУРЕНГИНСКОМ ЗАКАЗНИКЕ

Засверкал на перышках тетерки
золотой, негреющий рассвет,
куропат взлетел - крикливый,
верткий.

Я успел лишь поглядеть вослед.

В голых ветках белый иней
светит,

ломкая осока - под ногой...

Лис прокрался сбоку незаметно
и мелькнул за плотной ракитой.

Из рямка могучий лось выходит

на поляну... Замер в тишине.

Что мне зверь - мои патроны с
дробью.

Самолет след чертит в вышине.

ДЕД-ОХОТНИК

В щель сарая влез хорек,

и зверюшке невдомек,

что охотник - дед сердитый -

в дверь капкан установил,

натянул две сетки скрытно...

Кур пропавших не забыл.

ЗАПЛУТАЛ

Водит ночь меня в плотных,

колючих кустах...

До крови пальцы ног ободрал.

И усталость, как гиря, висит на

ногах.

Чу! Вдали загорелся фонарь!

Где палатка моя у реки, через

лес,

есть дорога к охотничьей базе.

Заплутал я изрядно, запутал вот

бес,

что о базе не вспомнил ни разу...

Через ночь, через даль и

туманную хмарь

мне лучи протянул светлоокий

фонарь!

охотбаза Ачикуль

ТРЯСИНА

Между кочек зелень тины

манит покрывалом...

Только встал я на трясину -

ух! - как не бывало!..

Оборвался в воду, вниз

- за соломинку держись!

А хмарь дождливая поля

накрыла,

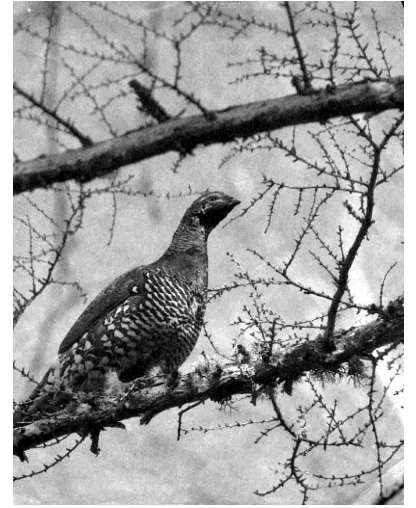
поник осинник с яркою листвою.

Грибы и ягоды в траву

зарылись,

ползет с лугов туман густой

волной.

Стекает дождик по стволам и
веткам,

и листья в мутных

капельках дрожат...

Иду я лесом в сумрак

беспросветный,

туда, где тырла черные

стоят.

В избушке, там у озера, за

гривой,

дед Паша сети чинит, ждет

обед.

А у порога рыжий пес

ленивый

скулит дремотно, щурится

на свет.

д Кутырлы

**НЕОЖИДАННЫЕ
ВСТРЕЧИ****ЖУРАВЛИ**

В ясный полдень в небе синем

кружат стайкой журавли.

Пригляжусь:

лишь росчерк крыльев

различаю я с земли.

Марево...

И испаренья,

как потоки, ввысь текут...

Крыльев взмах, затем-
скольженье.

По волнам плывут, плывут!

На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной песней-
дарят светлую любовь!

Вновь пришла седая осень.
Теплую постель забросив,
сплю я сладко на охоте
то в палатке, то в копне,
то в избушке допотопной
в глухоманной стороне.
Клюкву ем, варю ушицу,
чай с душичкой на ночь пью.
Крепко сплю и часто снится:
Птицей в облаках парю!

ПРИОЗЕРЬЕ - КРАЙ ЗАВЕТНЫЙ

Воды млеют, загораясь,
в бликах стынущей зари.
На болоте мшистом, с края,
протрубили журавли.
Прядью маминой седою
занавесил луг туман...
Приозерье, я не скрою -
красотой твоею пьян!
Вновь иду я на рассвете
через столько длинных лет
на поляны, в край заветный...
Ветки шепчут мне: Привет!

НАЧАЛО ЛЕДОСТАВА

На песке - шуги наросты,
меж камнями - первый снег.
И его сгребает горстью
любопытный человек.
Рядом первая синица
шустро шмыгает в ветвях.
Над рекою пар дымится,
словно вздох о летних днях.

Туман крадетсЯ на рассвете...
Роится мошек толокно.
В лицо струится свежий ветер,
а на лугах темным-темно!
Как постарело сразу лето,
последний лист слетает с веток.

На песчаном берегу отлогом
куличок нахохленный бежит...
Головой своей кивая строго,
резко так, пронзительно
Вот привстал на длинных
тонких ножках,
робко клюнул синь речной
воды...
И опять крик жалобный,
тревожный -
словно оклик близящей беды.
Даже пес притих мой.
Озадачен,
смотрит на меня - что крик сей
значит?

ГОГОЛЬ

На закрайках - первый лед,
но звенит не льдинка -
слышу гоголя полет
в небесах предзимних.
Мелодичный тихий звон,
словно посвист стужи...
Ближе-ближе, звонче он,
наполняет душу!..
Белоснежный, огневой
мчится гоголь надо мной!

У ДЕРЕВНИ ЗАЛИВИНО.

В овраге сыро... Вниз сползая,
кусты цепляются, как рать.
Осел грунт, корни оголяя,
внизу темно, угрюма падь.
Но пахнет свежестью желанной,
и плавает туман обманной.

Мороз сковал огромный плес,
повмерзли лодки в няшу,
и ветер первый снег разнес
над лугом полинявшим.
Шуга шуршит на Иртыше,
льдом старица мерцает...
Вот и лисица в камыше
подранков подбирает.
Вилия огненным хвостом,
ползет она к закрайкам...
А ворон хрипло над леском
по-зимнему закаркал.

Отавой скошенного луга
печалится душа моя,
а птичьи стаи круг за кругом
уходят ввысь, тоской звеня.
Чернеют тучи, заслоняя
озерный розовый закат...

Последняя исчезла стая...

Лишь крики в вышине звучат.

ЛЕБЕДИННЫЕ СТАИ

Холод высветил поле и лес.
Первый иней на голых талинах.
Косачи на жнивье, синь небес...
Слышу кликанье стай
лебединых.

Пусто в небе —

так где же они?

Вижу озеро, сжатое льдами,
посредине дымят полыньи -
в них белеют огромные стаи.

А.Канушину

ДРОБОВИК

Дробовик 10-го калибра
(шомпольное, древнее ружьё
на пристенке затаилось хитро).
Это дедовское- не моё.

Он тяжёлый, длинный, не
прикладист,
а отдача - что не устоишь.
Для стрельбы рогатину дед
ладит,
если стрелишь - стаю всю
сразишь...

У меня же- лёгкая берданка,
и калибр всего лишь- тридцать
два..

Вытертый затвор...

Я спозаранку

в лес иду, на ток, к тетеревам.
Заряжу патрон с литою дробью,
выстрел бахнет- дробь летит,
свистит...

Глажу я берданочку с любовью,
если птица камнем вниз летит.

Мне и лет-то нынче только
десять-

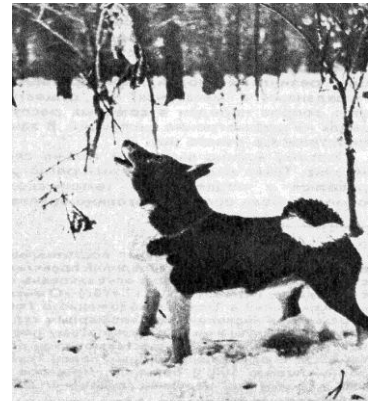
но без дичи не хожу домой.

Вот сегодня - тетерев увесист.

Бережно держу его рукой.

Я держу его за шею крепко,
ноги волочит он по стерне:
ведь я ростом- меньше метра, с
кепкой,

но охотник- признанный вполне.

Лайка загнала зверька на дерево.
Громко лает, зовёт к себе охотника.

ПРИЧУДЫ ЗИМЫ

Лебединый плач

Снежный вихрь бил по глазам, леденил щеки. Влажные хлопья снега липко ползли за воротник куртки. Видимость вокруг - не более двадцати метров. Моя последняя рыбалка, в смысле погоды, оказалась неудачной.

Без рукавиц, с покрасневшими мокрыми ладонями, от которых валил густой пар, я вначале греб на веслах, затем вытаскивал лодку на пристань, потом складывал леденистые сети в рюкзак. На шапочку, на рукава куртки, на окружающие предметы постоянно налипал снег. Толще и толще. Поляна у причала белела, но темнота над озером сгущалась. В воздухе резко похолодало...

Перевернув лодку вверх дном, я залез в машину. Снял мокрую куртку, надел сухой свитер. Завел мотор, включил обогреватель. Через пять минут в салоне стало тепло. Налил из термоса чаю. Отпиваю из кружки малыми глотками, наслаждаюсь ароматом, немного хмелею. С подветренной стороны открыл боковое стекло.

И здесь я услышал над озером, в сплошной мелькающей круговерти снега, лебединый крик. Точнее не крик, а жалобное клыканье одинокой птицы. Печальный зов лебедя перемещался по озеру с места на место. То приближаясь, то удаляясь. Птица искала свою стаю, но ее уже не было.

Еще часа два назад, до снега, большой лебединый караван спустился на пролете на озеро. Птицы попили водицы, отдохнули с часок и поднялись в небо, снова устремившись клином на юг...

Почему отстал этот лебедь, как это произошло, даже мне, находившемуся в это время на озере, оставалось загадкой...

Мрак окончательно сковал озеро, а снег все валил, мельтешил, кружил и даже залетал ко мне в форточку. Я закрыл окно. Лебединое клыканье, похожее на плач, стало глуше, отдаленнее. Но какое-то тревожное, мучительное чувство овладело моей душой. Я постоянно думал о слабой птице. Я представлял себе, как озеро схватилось льдом, покрылось снежной белизной, а над этой мертвой белой пустыней все мечется привидением одинокая отчаявшаяся птица.

-»Клы-клы, клы-клы...» - печальный стон стоял в моих ушах постоянно. «Ну, чем я могу помочь бедняжке, что предпринять, что придумать?..» - целый рой вопросов возникал в моей воспаленной голове. Лебединый крик снова приблизился к моей пристани. Я опять открыл боковое стекло, вслушиваясь в резкие порывы ветра.

«Может, догадается сесть под густой камыш и переждет холод до утра. Ведь в камыше нет этого ужасного ветра...»

Пока я так размышлял, клыканье удалилось и затихло где-то вдали. И больше его не слышалось. Только под утро я ненадолго задремал...

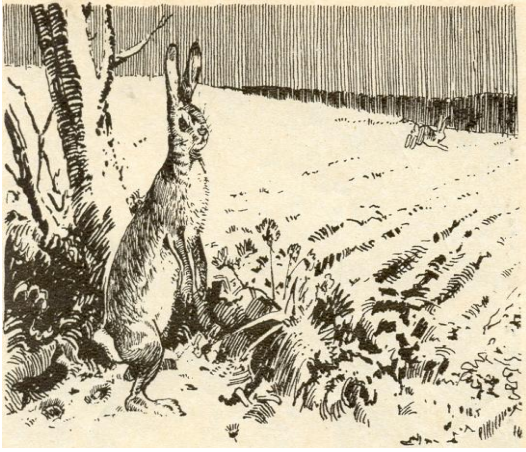
Ондатровые «домики»

По льду озера метет поземка. Сотни белых ручейков разбегаются и снова и сливаются в белопенные волны. Местами уже образовались снежные заносы. Вдали чернеют точками согбенные фигурки рыбаков. В мои глаза наплывает бесконечный белый саван, на ресницах и бровях снежный иней, лицо разгоряченное, влажное.

По краю озера, по камышам, виднеются (как небольшие копны сена) белые шапки «домиков» из плотно слежавшегося камыша и водорослей. Вокруг по 2-3 кормушки намного меньшего размера. В каждом «домике» и кормушке - вход и выход из воды. Ондатры часто спускаются под воду и плывут подо льдом к своим кормушкам.

Живут они семьями, и осенью я наблюдал, как всем родом ондатры строили дом и заготавливали корм. То и дело зверьки с длинными хвостами, похожие на кошек с коричневой короткой шерсткой, тащили на кучки «домиков» камыш, а в кормушки - разные коренья. Любопытные, они любят плавать рядом с лодкой охотника, но стоит тебе шевельнуться, как молниеносно ныряют, оставляя фонтаны брызг. В вечерней тишине можно слышать как мелкими, острыми зубами они спиливают тростинки камыша...

Мы с Иваном по глубокому снегу подходим к «домику», он стучает ногой по стенке. Внутри, как горох, посыпалось что-то в воду. Видать, вся семья была в сборе. Через 2-3 минуты подходим к первой кормушке. Стук - и сразу всплеск. И сюда успели приплыть. Точно такое же бульканье и в остальных кормушках. Ондатрам страшно: кто-то сильно качает их «домик» и кормушки, и они, спасаясь, как подводные лодки подо льдом, мчатся с места на место.

Проходим по камышу дальше, в глубь. Там, где маленькие плеса – обязательно копешки под снегом. А его уже – по колено. Скоро снега совсем прикроют «домики» и кормушки толстым слоем, и даже самые лютые морозы не будут страшны зверькам. Заметелят, запоют вьюги, навевая зимние сны.

Летом мы с Иваном снова придем сюда на рыбалку, и вокруг наших лодок, как возле кораблей, появятся ондатры и станут почетным эскортом сопровождать нас по веселым протокам озера.

Зимним утром

Рано утром, на восходе солнца, громко хлопая крыльями, тетерева взлетают на деревья. Усаживаются на ветках, воркуют, оглядываются. Далеко вокруг видно снежное поле. Вот там, вдалеке, едет на санях мужичок. Впереди по дороге бежит собачка. «Но-но...», – погоняет мужичок лошадку, размахивая кнутом.

А еще дальше видны крыши домов деревни. Из труб вьется дымок. Туда из леса летят сороки в надежде полакомиться.

Рядом, из таловых кустов, выскочил заяц-беляк, посидел на опушке, приподнялся на задних лапах, уши наострил – и поскакал в осиновый колок на завтрак...

Стайка красногрудых снегирей присела на меже, здесь полно конопли...

Все-все тетеревам сверху видно. Огляделись и начали клевать сережки, семена на ветках березы. Зимой им есть в поле нечего – все покрыто толстым слоем снега.

Поклевали-поклевали птицы, а затем набрали с веток полные клювы снега. Снега растаял и птицы, запрокидывая головы, попили.

Завтрак окончен. Шумно сорвались с веток тетерева и с лета, на небольшой поляне, нырнули в снег. В снежных луночках им тепло, словно в домиках.

Снежная книга

С утра выпал небольшой снег. По свежей пороше спешу в лес, надев широкие охотничьи лыжи. За плечами у меня, четырнадцатилетнего пацана, висит берданка 32 калибра.

Сразу за скотным двором попались первые четкие следы русака, ведущие к скирдам соломы. Здесь он ночью кормился, и его тропа уходит в направлении Марьиной согры, на лежку. В мягкую, тихую погоду заяц, напетляв и запутав след, лег где-то поблизости. Но он меня сегодня не интересует.

Огибаю березняк. На конопле кормится стайка красногрудых чечеток, а чуть дальше, на опушке, видны следы двух куропаток. Глубокие бороздки от лапок птиц заканчиваются широким росчерком крыльев, оставленным при взлете. А вот, наконец, главный объект моего внимания - лисий след.

Крупный, заметный. Отпечатки лап - как на книжной странице. Переставляю лыжи рядом со следом и таким образом, миновав колок, выхожу на большую поляну. Лиса с ходьбы перешла на мелкую рысцу. Видно, как задние лапы при аллюре попадают в отпечатки передних. Следы левой и правой пары ног располагаются на одном уровне.

И так - метр за метром, вдоль узкой ленты-цепочки пересекаю поляну, вхожу в овраг. След петляет по краю оврага, извивается при выходе к болотцу, сворачивает к куче валежника. Почуввав в нем добычу, лисица переходит на охотничий нарыск, и след плутовки стал более прямолинеен. Стайка куропаток наследила в кустарнике и при приближении кумушки вовремя взлетела, оставив на снегу рисунки перьев.

Вот лисья строчка вышла на следы косуль, стала незаметной. Общая тропа неожиданно перешла на санную дорогу. Неопытный сразу и не различит: где какой след?

На поле впереди - несколько куч соломы. Лисий след у первой копны резко свернул с дороги, подошел к копне. Вот четыре отпечатка лап - вместе. С края копны - покопки, выброшенная из норы земля, травяная ветошь. И на снегу - редкие капельки крови от мышей-полевок.

У второй копны - тоже покопки, но в стороне - отпечатки лап от длинных прыжков, разрытый снег. И снова - капельки крови. А затем лиса подалась в таловые кусты, где остались перья куропатки. Здесь ей явно повезло.

На дневную лежку хитрюга забралась в молодой густой березняк. В середине его - два поваленных деревца, вокруг - рыжий бурьян. Как подойти на верный выстрел?..

Огибаю осторожно колок, подхожу с подветренной стороны. Но все напрасно. В желтой траве - небольшая, оттаявшая свежая ямка, в стороне - обратный след. Плутовка бесшумно исчезла в густых зарослях. И это уже в который раз, оставив на снежной странице замысловатые следы.

Струятся в окошко потоком лучи
и по полу стелют дорожку.
В причудливом блеске
избушка молчит-
смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно
мне...
И слышу дыханье, и скрип в
тишине.

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Луна да снег...
Вдоль речки избы дремлют.
Как выстрелы, потрескивает лед.
Прояснило... Дым вьется над
деревней.
Собачий лай... и говор... скрип
ворот.
В сугробах лунных меркнут
полутни,
сгорает в небе бледная звезда.
Вот первая сорока пролетела...
и стук пшени... И звон кусочков
льда.

БЕЛЬЕ НА ВЕРЕВКЕ

На улице снег и трескучий мороз.
Мы с мамой белье
на веревке развесили:
коврик мгновенно замерз -
он в инее, словно в обновке.
Две майки. Штаны мои словно
стоят
раструбами на раскоряку...
И как на линейке,
рубашек парад,
а свитер похож на стилиягу.
Посмотришь во двор -
и почудится цирк:
фигуры смешные в сиянии искр.
Две простыни, три полотенца,
как шторы, у входа на сцену...

В ИЗБУШКЕ

Проснулся- в оконце большая
луна.
Смотрю я вокруг оробело:
Как днём.
И, признаться, уже не до сна.
А свет на стене мёртво-белый.

БОЛЬШИЕ УКИ

В заснеженных даях Большие
Уки.
Зеленые сосны стройны, высоки...
Завьюжен бураном таежным
простор,
встает за сугробом большой
косогор.
Там, в чаще запрятались соболь и
рысь,
в снегу - глухари... Ветки кедров
сплелись.
Брусника и клюква алеют на
кочках,
и куропат белый на кустике
квохчет.
А лунною ночью голодные волки
тоскливо так воют...
Собаки все молкнут...
В деревне у каждой избы палисад,
где елочки зеленью праздно
горят!

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Задремали в луговине
одинокое стога...
В роще, в поле, на овине
пышные искрят снега.
Над дорогой ветер ноет
в телеграфных проводах,
даже ночью нет покоя
людям!.. Где-то боль и страх.
И фарфоровые чашки
с вестью из чужих земель
в ночь звенят мне о несчастье
через версты и метель.

ЗИМНИЕ РАДОСТИ

Беру пешню, иду я к срубам,
а из колодца пар идет -
на стенках оседающая юбкой,
нарастает толстый лед.
И только щелочка в колодце -
пешнею лед долблю, долблю...
И вот бадья о воду бьется,
ташу обратно, в ведра лью.
Вода со льдом...
О радость бабке
на чай со льдом,
желанней нет!
Бегу играть
с друзьями в бабки.
- Где бита, кон?...
Бью - рикошет...

КУРОПАТКИ

Комочки белые
на ветках ивы
после пурги
особенно красивы!..
Я пригляделся:
несколько из них
шевелятся...
И вот взмахнули крыльями
и улетели на раздолье нив.
То - куропатки! Милые
обманщицы,
нырнув в снега,
вы можете в них спать,
а утром из-под ног -
мне это нравится -
пугая, с шумом любите взлетать!..
Комочки белые
на ветках ивы
еще остались -
но они не живы.

СНЕЖНЫЕ УЗОРЫ

ПРОРУБЬ

Лёд...
В нём дырка на реке-
пар во всю клубится.
Две овечки: «Ме- ке- ке...»-
к ней идут напиться...

НА КОЛХОЗНОМ ДВОРЕ

Прячет зябко бороду
сторож в воротник.
Развиднелось - к холоду.
Ветер в полночь сник.
Смотрят стайкой звездочки
на колхозный двор,
жжет мороз до косточек:
нос с трудом оттер.
В дедовском тулупе
сторожу я с ним,
у коней на хрупах
иней, словно дым.

В РОЗВАЛЬНЯХ

Плюхаюсь в охапку сена...
Конь по свежему снежку,
с мундштука роняя пену,
налегке трусит к рямку.
Потные бока дымятся
и заиндевел хомут...
В белом поле затеряться
две полоски не дадут.
След полозьев чистой строчкой
к стогу дальнему спешит..
Над кустами - крик сорочий,
а в кустах беляк сидит.

КОРМУШКИ

Дед сказал мне: *"Внучек, слушай,
нынче лютая зима,
понесем мы в лес кормушки
птицам,
там кормов - нема..."*
Положили мы в кормушки
зерна, хлебные горбушки...

В УРМАНЕ

Через озеро, болотом,
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту...
Конь трусит так неохотно...
А в снежинке,
словно в льдинке,
свет - похожий на звезду!

Т.М.Белозерову

В ЛЕСУ ЗИМОЙ ХОЛОДНОЙ

(сказка)
В лесу зимой холодной
жил зайчика один,
а рядом зверь голодный
на цыпочках ходил.
У зверя были зубы
страшней, острее ножа -
и зайчика в испуге
и день, и ночь дрожал...
А зверь тот был - волчонок,
один он также жил,
хотел он, чтоб зайчонок
как с братом, с ним дружил.
Он крался за зайчком,
его оберегал,
к нему он ночью темной
погреться прибегал.
Они играли в прятки...
Где был лесоповал,
кору осины сладкой
тот и другой глодал...
Но вот однажды ночью,
когда взошла луна,
явилась стая волчья -
и взвыла тишина.
И зайчика в испуге
упал - ни мертв, ни жив.
Волчонок встал за друга,
его собой прикрыв.
Взбесилась волчья стая,
сообща волчонка - хватить!
Рыча, топча, стараясь
на части разорвать!
А в это время зайчика
запратался в норе...
И стая волчья злая
ушла лишь на заре.
Когда же развиднело,
то заяка из норы
увидел отсвет белый
березовой коры.
Он понял, что он жив!
И вылез из оврага -
запрыгал, закружил..
Но миг исчезла радость.
Пред ним возник волчонок,
хромая и скуля,
по снегу полз к зайчонку,
хвостом чуть шевеля.
И заяка - прыг к волчонку,
заплакал, задрожал.
И раны ему долго
лизал, лизал, лизал...

ЯНВАРЬ-ПРОСИНЕЦ

Засинела высь... Березы инеем
понакрылись - сучьев не видать.
Саный след - две тоненькие
линии,
и по ним мне хочется гадать.
В белизне светящейся, пушистой
не пойму: где поле, а где лес -
все белым-бело... Легко и чисто!..
Просинец, ты родом из чудес.
Перелом зимы... И тонкий запах
от полыни в воздухе повис...
Вот и след, чуть вдавленный, от
лапы -
это крался осторожный лис.

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода...
Мне знакома издавна
эта красота.
Снежный лес встречает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной!

НА ЗАСНЕЖЕННОМ ОЗЕРЕ

Вдоль кромки озера камыш
под снегом лёг в заломы...
Ондатры хатка...
Стукнул в тишь-
и сразу всплеск знакомый...
Из домика ныряют вниз...
... Здесь и зимой продлилась жизнь!

МОРОЗНЫЙ ИНЕЙ

Необычная зима

Нынешняя зима с самого начала и до конца оказалась снежной и теплой, В солнечные дни заметно нагревались тихие лесные поляны, от заснеженных кустов шел легкий пар. По утрам поля и леса во всей округе сверкали небывалым роскошным инеем. И чем изменчивее, пасмурнее стояла накануне вечером погода, тем богаче, разнообразнее одевались на рассвете в белоснежные наряды причудливые деревья и кустарники.

На самодельных охотничьих лыжах чуть свет иду проверять капканы, расставленные на лисицу в таловых кустах у речки. Идти далековато, снег мягкий, глубокий, даже широкие лыжи проваливаются. Капканы осматриваю уже в четвертый раз. Рыжая плутовка обходит замаскированные в снегу ловушки, обнаруживая опасность своим чутким носом. Подходит к приманке не по своим старым следам, а с той стороны, где капканов нет. И уносит лакомые кусочки мяса.

Что сегодня она придумает, ведь я огородил приманку капканами со всех сторон...Миновав большую поляну, подхожу к березовому колку. По краю леса высятся большие узорные сугробы. Между деревьев, из-за снежных завалов, мерещатся всевозможные фигурки неподвижных зверей Это- медвежонок?!

Подхожу в упор и только тогда различаю: большой черный пень, на нем снежная шапка, в которой две дырочки-глаза, а сверху торчком - две веточки , словно ушки...

А это - маленький заяц притаился под ивовым кустиком? Ну, все-то есть в этой фигурке, только она не живая, а из снежной бахромы... Чуть дальше из-под поваленного дерева выглядывает неведомый зверь. И он – тоже обман...

Вчера на веточках красовались маленькие, ослепительные искорки инея, сегодня же кусты и деревья покрыты ожерельями, похожими на морские кораллы. И свет у них какой-то темновато-синий, необычный. А вообще-то, я более всего люблю ясный морозный день, когда вокруг тебя серебрится миллионами ярких огоньков, рассыпанных легкой порошей, сказочное царство. Обогнув березняк, выхожу к речным талам. Что это? В глубине зарослей, за сугробами, метнулось рыжее пламя?..

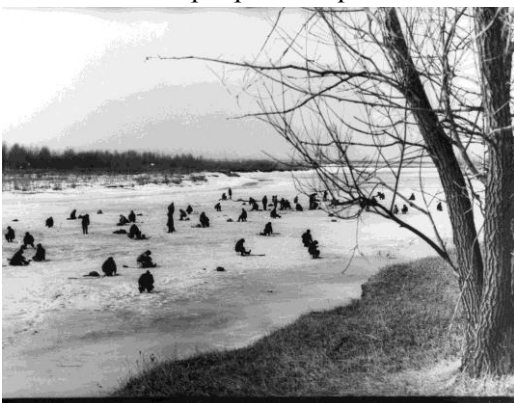
Переселенец

Стоял лютый январь, покрывший белым куржаком лес, кустарник, камыши. Морозы трещали по ночам, вымораживая землю и озера. Даже снег стал сухим и мелким, как песок. Он жалобно свистел под полозьями саней. Конюх Ефим еще по темну выехал за сеном, а теперь, когда рассвело, был от деревни за пять верст. Серко неторопливо трусил по знакомому пути. Дорога, плохо накатанная, вышла из леса и почти потерялась в неоглядной белизне завьюженного поля. Сани местами зарывались в снег. Упрятав голову в широкий воротник тулупа, вдыхая тепло из густой и мягкой овчины, старик полудремал...

Заиндевшие собачки, Белка и Шарик, неразлучно бежали рядом с санями. Вот Белка потянула носом воздух и свернула в сторону, следом за ней – Шарик. Дружно затыкали. Лают – и вроде стараются выхватить зубами что-то из снега. Ефим, остановив лошадь, снял с себя тулуп и, проваливаясь чуть ли не по пояс в глубокий сугроб, пошел соображая: «Что бы это могло быть?..»

Зимнее тусклое солнце поднялось над серым лесом, и белопенная поляна вся заискрилась отблесками серебряных кристаллов. Старик подошел – и увидел в снегу ярко-рыжую ондатру. Да. Непонятно: «Водяной житель, и на тебе – в чистом поле?!». Ефим осторожно взял кусающуюся зверька и посадил в шубенку – огромную меховую рукавицу. Огляделся. Рядом – болото Антюшино, от него и шел мелкой стежкой след заблудшего.

Вот теперь все стало ясно: злой мороз пронизал округу, болото промерзло до дна – и ондатра из своего заледневшего домика отправилась на поиски воды и «хатки». В такую-то стынь, без всякой надежды на спасение... Ефим определил, что след вел в сторону озера Долгого, как раз ему по пути.

Проехав вперед до озера, где камыши вплотную подходили к санному следу, старик снова остановил уже заиндевшего Серка. Взяв топор, побрел в камыши и быстро отыскал «домик» ондатры. Прорубил окно и вытряхнул в него из рукавицы зверька, потом залатал отверстие и присыпал сверху снегом. Белка и Шарик бегали рядом, крутили головами и, ничего не понимая, смотрели на хозяина: мол, как же он упустил добычу?!

«Светит да не греет»

За окном - морозный январский день, на стекле - слабый отсвет солнца. Дед Ипат, набив трубку самосадам, дымит в небольшой избенке так, что бабка Марфа открыла форточку и тихо поругивается.

Старик то чинит упряжь, то вяжет сети, то ладит мордушки. Сегодня он плетёт кнут из узко нарезанных ремней. Я сижу возле с полуоткрытым ртом и по-мальчишески удивляюсь его рассказам и сказкам.

- Зимнее солнышко лишь ласкает глаз. Вот на деревьях и проводах который день к ряду пушистый иней - к урожаю. А морозы крещенские - долгие, злые. Видишь: кошка на печке жметя к трубе, свернулась клубком, прикрыла нос лапами - к морозу. А гусь прячет нос под крыло, на одной лапе стоит. И в печке горит шибко красный огонь. Все это - к холоду...

Слушая деда, вспоминаю, насколько он точно весь прошлый год предсказывал погоду заранее. Не то что прогнозы по радио. И советовал все время окружающим: когда выезжать в поле сеять, когда сажать в огороде картошку или огурцы, когда начинать сенокос...

Деду Ипату - 92 года. Почти за столетие он изучил природу, знает ее капризы досконально, всегда наблюдает за любыми резкими переменами. Волей-неволей научился понимать взаимосвязь окружающих явлений.

На осеннее солнце язвит: «Светит да не греет», а январское светило нарекает уважительно: «Богогрей» или «Просинец». Не совсем понимая эти необычные слова, я попросил объяснить загадочный смысл их, на что он в ответ послал меня во двор - посмотреть внимательно за коровой.

Я вышел к сеновалу. Корова спокойно жевала жвачку, стоя левым боком к солнышку. Внимательно присмотревшись, различил у нее левый бок сухим, а правый - в инее. И здесь корова, как по заказу, развернулась к солнцу правым боком. И я увидел как иней стал исчезать с ее шерсти. «Ничего себе, вот дела. На улице мороз, а иней тает. Значит, солнышко греет», - размышлял я удивленно. Теперь понятно, почему называют январь «богогреем!». Вернулся в избу, рассказал. Дед, хитро улыбаясь, пояснил:

- Вся январь на реке, куда уходит пить наша бурёнка, в проруби до краёв полно воды - значит весной надо ждать большие разливы. А туман по утрам предсказывает раннюю весну.

В Рождественскую ночь

Январь - «просинец» по древнеславянскому календарю называется «синчик-лед», а на Руси его именуют «ледовый месяц» или «лютовей». Середина зимы. Вьюги и метели выбелили всю округу. Повсюду - сугробы, на кустарнике - бахрома инея. Снег причудливо висит на березах и осинах. В елочках, на лапнике - целые комья, похожие на неведомых зверей.

слышится чей-то храп.

Под поваленным деревом, в сугробе - небольшое отверстие. По краям - изморозь, просачивается легкий парок. То медведь, сладко посапывая во сне, дышит из берлоги в свою снежную форточку.

Тетерева и куропатки еще с вечера поныряли в пушистый снег на дальних глухих полянах. Им в лунках, как в домиках, тепло всю ночь. И только долго не засыпают волки и рыси. Они неустанно рыщут в поисках добычи. Да белая сова, наблюдая, как страж, с высокой ветки, не сомкнет глаз до самого утра.

В лесу, девственно чистом и очарованном, царит лунная ночь. В морозной тишине потрескивают сучья. По нетронутой целине пороши через поляну проскакал заяц-беляк и скрылся в молодом осиннике.

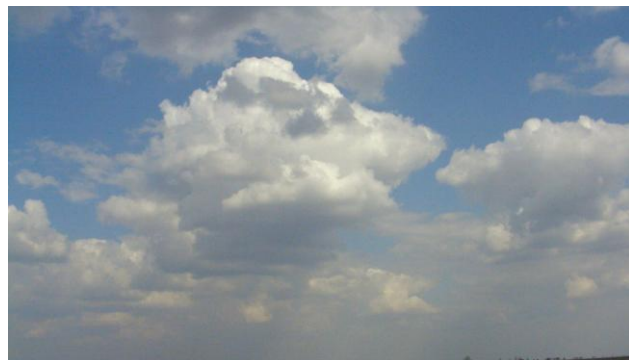
Торопится на поздний ужин. Продираясь через можжевельниковые кусты, движется стадо лосей во главе с рогатым старым быком. Лоси на ходу жадно хватают губастой пастью душистую зелень и аппетитно жуют хвойную жвачку. На высокой сосне вылезла из дупла белка, лущит орешек. Где-то невдалеке пропищал бурундук...

Лесная жизнь к полуночи понемногу утихает. Даже

Под поваленным деревом, в сугробе - небольшое

Фоторепортаж « Омское Прииртышье »

(автор: В.В.Ковальчук)

***ВЕСНА по лесам колобродит... Из кочек, из почек, из нор
жизнь рвётся опять на свободу и в солнечный входит простор!***

ВЕСНА ИДЁТ!.. Звонят ручьи... И половодье в реках...

ВЕСНА ПРИШЛА!.. Ликует лес и распускает почки...

Автор фоторабот В.В. Ковальчук: «На лесных полянах»

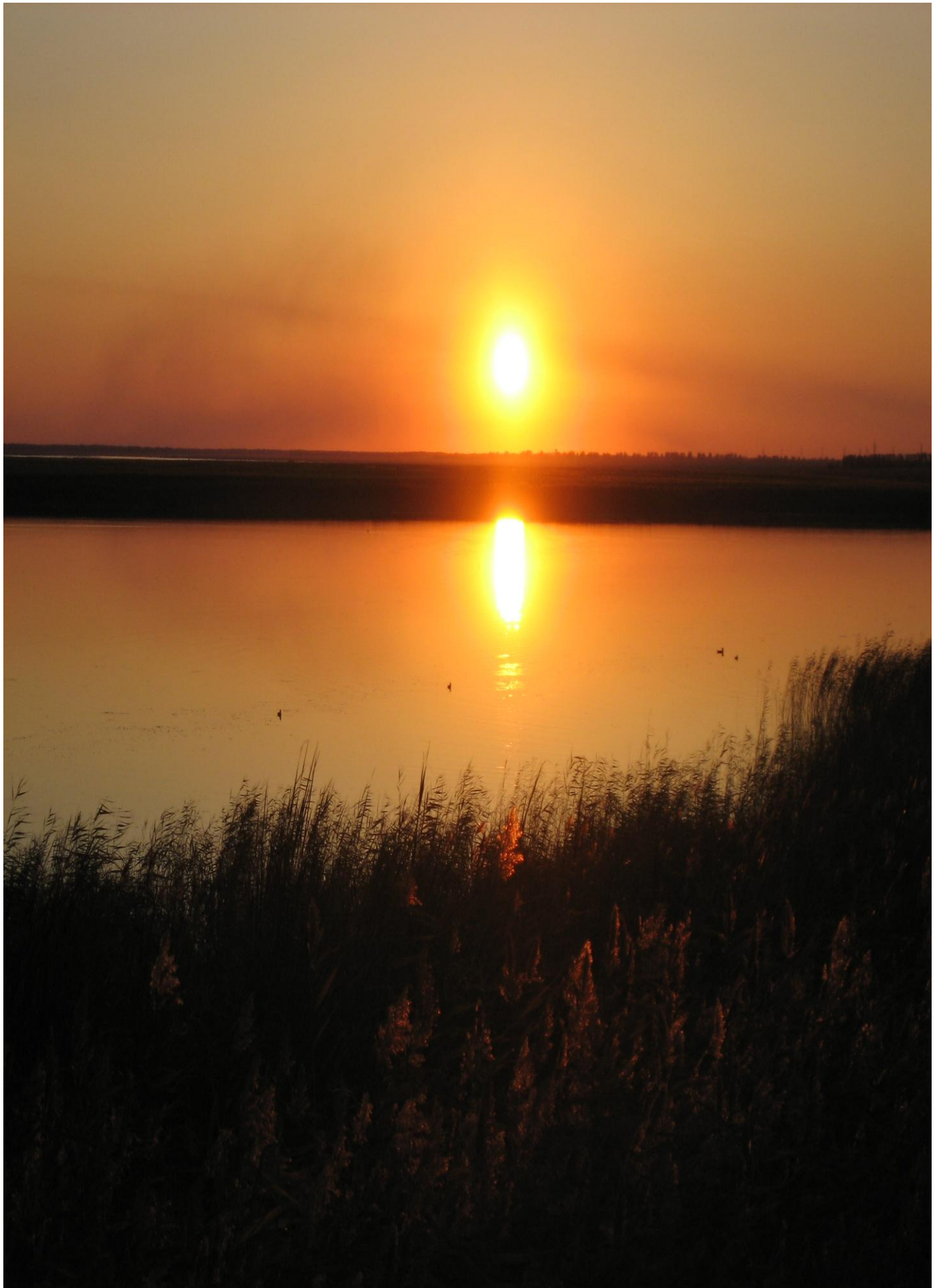
ПРИИРТЫШЬЕ...Вдоль Иртыша тянутся старицы, заводи...

ПРИИРТЫШСКИЕ ДАЛИ... Прибрежные талы и рощицы...

ОХОТНИЧЬЯ ЗАРЯ... В ожидании открытия охоты...

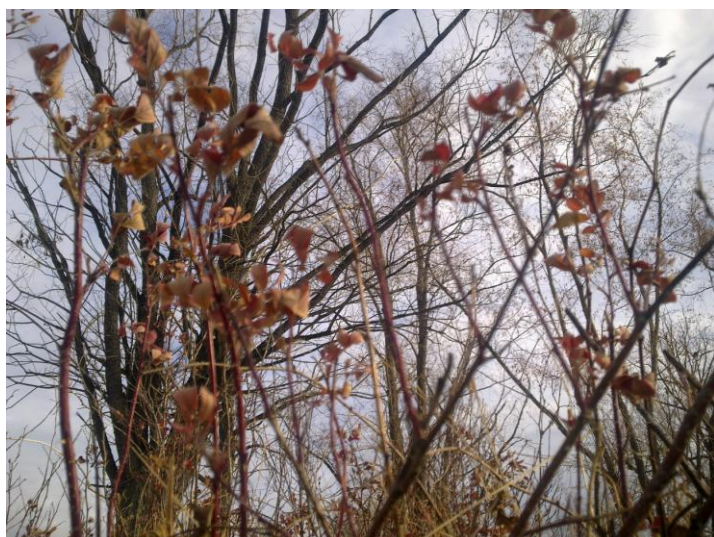
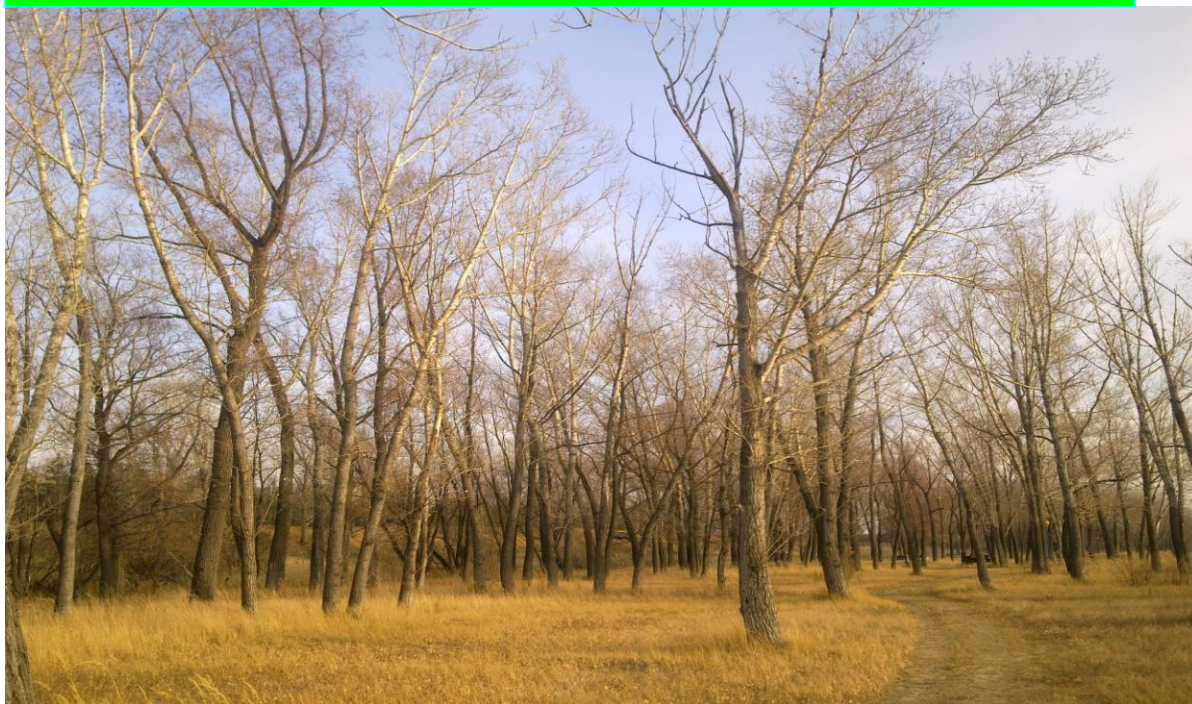

Вверху- справа, Почётный член общества охотников России, Мастер спорта по стендовой стрельбе Владимир Зензин.

Охотничий костёр на берегу северного озера «Дикое»

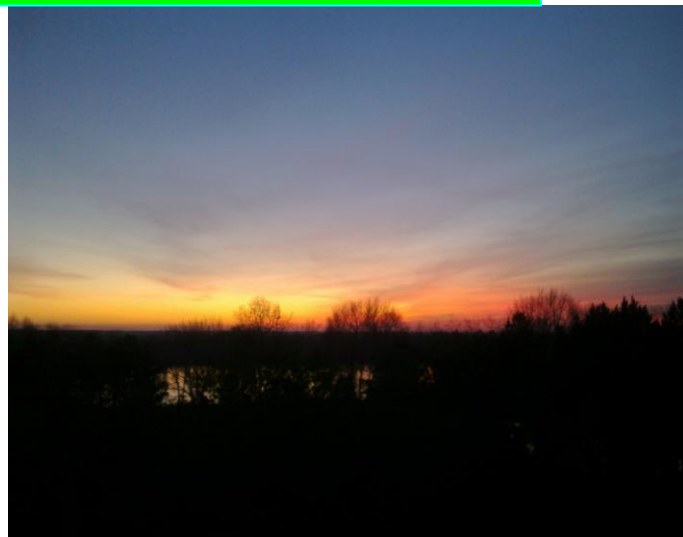
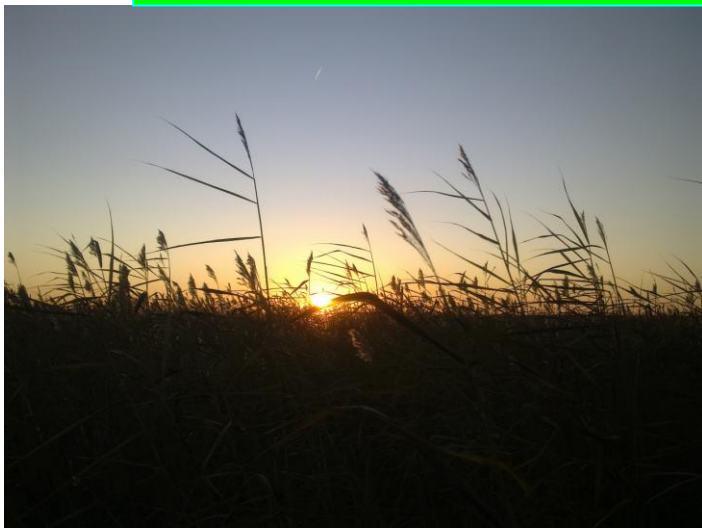
*Осень золотистая с шорохами, свистами-
с бесконечно длинными ливнями...*

ОСЕНЬ... Очарованье лета позднего...в лес тихий поспеши...

ПРИИРТЫШЬЕ... Блики и тени..... наступление сумерек...

ОСЕННИЕ ВЕЧЕРА... Осенние зори- прохладные и короткие...

ПРИИРТЫШСКАЯ ТАЙГА... Её обитатели: птицы и звери...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ (циклы стихов)

Вступление	3	Осенние	
Приход весны	4-5	перемены	20-21
Летний свет	8-9	Неожиданные встречи	24-25
Лесные звуки	12-13	Снежные узоры	28-29
Птичьи голоса	16-17		

ПРОЗА (рассказы)

Весенние рассветы	6-7		
Первые краски весны			
Бал- маскарад			
Ночная птица			
Картины детства	10-11		
Волчье лыко			
Майский озимок			
Жажда жизни			
Горностаи			
Лесные поляны	14-15		
Переход			
Ёжик			
Камышовка			
Соловей Варакушка			
На разливах	18-19		
Речные зори			
Озеро Долгое			
Дятлы			
Лунность			
В глубинке	22-23		
Поздняя ягода			
Домашние и дикие			
На Камышином			
Опята			
Берёзовый ключик			
Причуды зимы	26-27		
Лебединый плач			
Ондатровые домики			
Зимним утром			
Снежная книга			
Морозный иней	30-31		
Необычная зима			
Переселенец			
«Светит- да не греет»			
В Рождественскую ночь			

2- часть: Фоторепортаж « Омское Прииртышье»

(автор: В.В.Ковальчук)- 32-46

АВТОРЫ КНИГИ ОСМАТРИВАЮТ ОСТАТКИ «ПОКРОВСКОЙ КРЕПОСТИ»

(Покровская крепость входила в состав Ново-Ишимской оборонительной линии. Построена в 1752-55 гг. В начале 19-го века утратила своё назначение и стала называться не крепостью, а Покровской станицей. В 20-ом веке значилась как вымирающее село «Покровка». Её последние строения исчезли с лица земли в 1976 году.)

(Сентябрь 2006 года. Марьяновский район, в 2км. от разъезда «Пикетное». Очередная поездка на территорию бывшей крепости.)

На снимке: слева, Валерий Владимирович Ковальчук, директор Омского колледжа транспортного строительства, Почётный транспортный строитель, Заслуженный работник образования России;

Справа- Зензин В.В. автор более 40 книг о природе Прииртышья и людях Сибирского края. Член Союза журналистов России , лауреат конкурсов среди журналистов на экологические темы.

РЕДАКЦИЯ

Редактор- Суворова В.А.

Руководитель проекта: Щербинин О.И. Технический редактор- Хасанов А.Н.

На первой странице обложки: Фото таёжной речки «Артынка».(Муромцевский р-н).

Примечание: *Когда-то через Муромцевский район проходил старый Сибирский тракт. По нему следовали переселенцы и ссыльные: из Тюменской области от Викулово через Большие Уки, Знаменское, Тару, Артын, Камкурск, Копьево и- далее на восток. В Артыне в 1791 году в доме крестьянина Блинова временно жил А.Н. Радищев.(Здесь в знак о его пребывании поставлен памятник. Позднее, в 1797 году, возвращаясь из ссылки, А.Н. Радищев две недели прожил в г. Тара..)*

Можно добавить, что через столетие в селе Пустынное, весной 1891 г., по пути на Сахалин, останавливался и переправлялся через Иртыш А.П. Чехов).

Литературная выставка журналиста-литератора Владимира Зензина
в государственной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, 42-ая по счёту за 2013 г.

